

Баян Ширянов

Последняя битва Пономаря

Баян Ширянов
Последняя битва Пономаря
Серия «Пономарь», книга 4

Авторская версия
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146019

Аннотация

Наступила весна. И с первого же марта по России прокатилась волна катастроф. Сперва они казались незначительными, но, постепенно, их масштабы все возрастали и, вскоре, они стали грозить гибелью самому существованию страны. О том, как майор Изотов оказался связан с этими событиями, какую роль в них пришлось сыграть Игорю Сергеевичу Дарофееву, читайте в четвертой книге из цикла «Пономарь».

Содержание

Пролог 1.	4
Пролог 2.	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Баян ШИРЯНОВ

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА ПОНОМАРЯ

Пролог 1.

На него снизошло просветление. Он нежился в лучах благодати, не замечая ничего вокруг. А зря.

Благодать эта снизошла на него на улице, когда он переходил дорогу. Машины стоявшие на светофоре, чьи водители давно уже дожидались зеленого света, сначала немного погудели, но потом, увидев, что человек не шевелится и не реагирует, принялись медленно объезжать его.

Один из этих водителей, Владилен Поляков, спешил на важную для него встречу. Сегодня он должен был подписать контракт на поставку крупной партии французской косметики. Разозлившись на бестолкового пешехода, он сам не заметил, как на следующем светофоре свернул без разрешающего сигнала и, через мгновение, «поцеловался» с горбатым «Запорожцем».

Водителя «Запорожца» звали Миша Шаров. Он работал шлифовщиком и ехал с ночной смены домой. Авария, в результате которой бок его «запора» получил лишь легкую царапину, задержала его на целых полтора часа.

Жена Шарова, ждала мужа до последнего и, забыв на плите кастрюлю с кипящим борщом, умчалась на работу.

Когда Михаил вернулся домой он, первым делом включил свет в прихожей. Через секунду три подъезда хрущевской пятиэтажки, в которой жили Шаровы превратились в груды горящего мусора, похоронив под бетонными плитами более сорока человек.

Среди погибших был журналист, который только что закончил разоблачительную статью-расследование, посвященную деятельности недавно появившейся секты под названием «Космэтика».

Пролог 2.

Все здесь остро пропахло ужасом и безысходностью. Толстые грязно-зеленые стены, в которых были прорублены узкие высокие окна, посеревшая, с желтыми потеками, побелка сводчатого потолка, удручали новоиспеченного зека. Да и сами люди, неспешно проходящие мимо Михаила Львовича, недвусмысленно отмеченные печатью порока, излучали какую-то недобрую энергетику. Все это давило на психику, заставляло сжиматься в комок, отгораживаться от окружающего прочным панцирем.

– Грибоконь! В каптерку!

Михаил Львович поспешно вскочил и, опасливо косясь на незнакомых арестантов, пошел на негнущихся ногах.

– Ну, долго тебя еще ждать? – Одноглазый парень, сидящий в каптерке, криво усмехнулся, когда в щель просунулась голова Михаила Львовича. Тот засуетился, проскользнул внутрь и замер навтыжку перед массивным столом, за которым сидела настоящая человеческая глыба. Плоское лицо, узенькие щели глаз, на верхней губе несколько несбритых волосинок и белая бирка, на которой крупно и аляповато, но с претензией на красоту, было написано «Ли Г.Э. 9 отряд». «Завхоз» – сразу понял Михаил Львович.

– Не трусь, Грибоконь! Тут все свои. – Это сказал второй помощник завхоза, сухопарый, немного суетливый мужичонка. Пальцы его все время находились в движении, словно он перебирал невидимые четки.

– Я и не трушу. – Попытался улыбнуться Михаил Львович. Одноглазый пододвинул стул, и Грибоконь плотно сел на него, сплетя пальцы на коленях, готовясь к атаке по менталу.

– За что к нам? – Это были первые слова, которые Михаил Львович услышал от завхоза. Голос Ли оказался высоким и хриплым, будто завхоз с надрывом пел какие-то свои национальные песни.

– Незаконная врачебная практика. – Сказал зек название своей статьи.

– Аборты, что ль? – Уточнил суетливый.

– Ну, и это бывало... Я – экстрасенс...

– Ишь, ты! – Одноглазый почмокал губами, словно пробуя на вкус незнакомое слово, – Экстрасенс!

– А чего фамилия такая странная? – Суетливый зачем-то быстро сменил тему.

– Описка. – Объяснил Михаил Львович. – Мой прапрадед имел очень густые волосы. Его и прозвали Гривоконь. А когда его забирали на Турецкую, писарь написал Грибоконь... Так и пошло...

– На крытке погоняло было? – Словно соблюдая очередность вопрошающих, поинтересовался Ли.

– Нет, как-то... – Пожал плечами Михаил Львович. – Все Грибоконь, да Грибоконь...

– Сам-то как хочешь, чтоб тебя звали?

Грибоконь на мгновение задумался:

– Доктор, наверное.

Одноглазый опять скривил рот в ухмылке:

– Многовато чести будет...

– В лагере уже есть один Доктор. Из блатных. – Пояснил суетливый.

– Экстрасенс. – Снова покатал на языке это слово одноглазый. – Не верю я в них. Шарлатаны одни. – И, махнув рукой на привставшего Михаила Львовича, уже готового защищать свою честь, продолжил. – Шарлатаны, шаманы... Давай, ты Шаманом будешь? Не против?

– Нет. – Покачал головой Грибоконь.

– Ну, теперь официально... – Прервал Ли суетливого, уже готового задать какой-то новый вопрос. – Меня зовут Ли Геннадий Эргюнович, погоняло – Банзай. Это, – Завхоз кивнул на одноглазого, – Пират. Это – Босой.

Порядки у нас такие...

Речь Банзая катилась, словно колобок. Гладкая, отрепетированная на десятках этапников. Грибоконь слушал завхоза, словно замороженный, стараясь не пропустить ни слова. Но эти слова все равно падали в какой-то колодец, не оставляя даже следов на поверхности разума Михаила Львовича.

– ...тебе, наверняка выпишут аванс на ларь. Пойдешь туда через неделю, затаривайся куревом. Для кишки бери только маргач. А мне чайку не забудь прихватить. Дадут одну пачку. Но ты же не чифиришь?..

– Нет... – Покачал головой новоокрещенный Шаман.

– Ну, теперь, вроде, все. – Банзай пристально посмотрел на Грибокonia. – Будут вопросы – заходи, не стесняйся.

Михаил Львович кивнул и вывалился из каптерки. Эта беседа произвела на него странное тягостное впечатление. Словно его разом окунули в какую-то грязь, от которой уже не отмыться.

Сидя на табуретке рядом со своей шконкой, Шаман попытался проанализировать энергетику разговора с завхозом, и запоздало понял, что его пытались завербовать. Банзай, как видно, обладал способностями к спонтанному, но поверхностному гипнозу, которыми пользовался в полной мере. Не помогла даже пассивная защита Михаила Львовича, который даже не предполагал, что может столкнуться с чем-то подобным.

Судя по поведению завхоза, в зоне была еще какая-то одна, или даже две, группировки, которые так же нуждались в притоке свежих сил.

– Эй, этапник...

Михаил Львович поднял голову. Перед ним стоял молодой парень. Судя по слишком гладким щекам, очень молодой. Одет парень был в черный костюм, простроченный, наподобие джинсового, толстыми желтыми нитками.

– Чего?

– Репей тебя кличет.

– Кто это?

– Иди, иди. Там узнаешь...

Грибоконь сразу понял, что перед ним представитель второй силы. Судя по тому, что он наслушался на тюремных нарах, теперь его персоной заинтересовались блатные. Ничего хорошего от этого ожидать не приходилось, но Михаил Львович, вздохнув, направился за молодым зеком.

Тот привел его в угол жилой секции, где в закутке, отгороженном висящими на веревках простынями, сидел другой зек. Этот обладал гладковыбритым черепом, тяжелым взглядом исподлобья и мощным, почти квадратным торсом, на котором едва сходилась ослепительно белая рубашка с закатанными рукавами. Жилистые предплечья этого человека сплошь покрывали татуировки. Они наползали одна на другую и получалась совершенно сюрреалистическая композиция, на которой из храма со множеством луковок выходил скелет в милицейской фуражке, а надпись «Бог не фраер» соседствовала с кинжалом, картами и шприцом, и все это было обмотано колючей проволокой.

– Ты что ль Грибоконь? – Спросил татуированный.

– Я. – Кивнул Михаил Львович.

– Ты воровской закон уважаешь?

Шаману ничего не оставалось делать, кроме как кивнуть и попытаться уверенно произнести одно лишь:

– Да.

– Тут дело такое... – Репей посмотрел этапнику прямо в глаза, – скоро один наш кентяра поднимается. – Блатной сделал паузу, чтобы Грибоконь проникся важностью этого события.

– Куда поднимается?

– В жилку, мля!

Теперь Михаил Львович окончательно запутался:

– В вену?

– Какую, нах, вену? Сюда, в отряд! – До Репья в конце концов дошло, что этот мужик не понимает его жаргона, и он вынужден был повторить свои слова на доступном языке. – Закрыли кента в ШИЗО. Знаешь, что это такое?

Грибоконь осторожно кивнул:

– Карцер?..

– Ну, въехал... – Блатной, начавший, было, гневно сверкать глазами, слегка успокоился. – Кента встретить надо. Ну, там, чаек-бук, курево с ниппелем. Догоняешь?

– А я тут причем? – Опасливо спросил Михаил Львович.

– Не, ну, ты на него посмотри! – Репей покачал головой. – Ты в ларь пойдешь?.. На отоварку.

– Наверное...

– Не «наверное», а точно. У тебя на киче нарушения были?

– Нет.

– Знач, верняк, тебе на отоварку хозяин бабок кинет. Возьмешь там чай. Принесешь мне. На подъем! – Последнее слово блатной выделил особо, давая понять, что святая обязанность любого мужика приносить ему чай, для празднования освобождения мифического друга.

– Я не могу. – Стараясь побороть страх, сказал Михаил Львович.

– Что? – Блатной вскочил. – Для тебя воровской закон что, порожняк?

– Я уже обещал.

Репей несколько секунд соображал:

– Ну, коли уж обещал, – вдруг с приторной сладостью в голосе проговорил зек, – то делать нечего. Но тогда давай покумекаем, что ты можешь, – Репей сделал ударение на этом слове, – дать на подъем...

– Ну... Пару-тройку сигарет. – Предложил Грибоконь.

– Что?!! – Теперь блатной разъярился всерьез. – Издеваешься?!

– Нет. – Промямлил Михаил Львович.

– Пять пачек! С фильтром! Понял?!

Экстрасенс видел, как от этого заключенного исходят темно-бордовые волны агрессивной энергетики. Он уже захлебывался в них, но что-то внутри дало вдруг силу воспротивиться этим подавляющим волю эманациям, и Грибоконь вымолвил:

– Нет.

Блатной внезапно отступил. Он сел на кровать и, несколько секунд посверлив Шамана ненавидящим взглядом, процедил:

– Ты об этом еще сто раз пожалеешь... – И отвернулся.

Мгновение помедлив, словно ожидая какой-то реплики Репья, которая превратит эту ситуацию в неудачную шутку, Михаил Львович развернулся и направился на свое место.

Потом, после ужина, уже перезнакомившись с земляками-москвичами, Грибоконь посидел в пэвээрке, комнате политико-воспитательной работы, посмотрел телевизор, полистал подшивки газет. Завтра надо было выходить на работу, а он еще не знал, куда его распределят и эта неопределенность пугала Михаила Львовича, уже привыкшего за месяцы тюрьмы, что любое «завтра» будет совершенно неотличимо от серого «сегодня».

Перед отбоем Шаман пошел умыться на ночь. В умывальнике стояла небольшая компания блатных. Они весело о чем-то переговаривались, курили, не обращая, казалось, никакого внимания на окружающее. Но Михаилу Львовичу сразу стало не по себе.

Все умывальники, кроме одного оказались заняты. А на том свободном, на самом краю раковины, лежал, слегка покачиваясь, большой кусок розового мыла. Достаточно было самого легкого толчка, и кусок упал бы на кафельный пол.

– Мужики, чье мыло? – Громко спросил Грибокоть.

Умывающиеся покосились на Шамана, но никто не ответил. Тогда Михаил Львович взял кусок, чтобы положить его на ребристое подобие мыльницы около крана и тут же его окликнули блатные:

– Эй, бычара, ты чо, мыло закрыть собрался?

– Нет. – Твердо ответил Грибокоть. – Я собрался его переложить.

– Да кто ты такой, чтобы мое чистое мыло лапать своими вонючими пакшами? – От блатных отделился один, напоминающий лысого орангутанга. У него в руке вдруг оказалось скрученное в тугую жгут полотенце. В массивной кисти обезьяноподобного оно тут же закрутилось, словно вентилятор.

Грибокоть отступил на шаг и оглянулся. В умывальнике больше никого не было, а еще один блатной уже успел продеть в дверную ручку ножку от стула. Михаил Львович оказался заперт наедине с тремя громилами.

Они молча надвигались на него и улыбались, показывая то ли золотые, то ли рандолевые фиксы.

– Ну, Шаман, пивка хочешь? – Лысая горилла резко замахнулась, Грибокоть, пытаясь защититься, машинально вскинул руки, и в тот же момент сразу двое ударили его полотенцами по бокам...

Глава 1

1.

По одному пациенты проходили через узкую дверь. Их встречал Игорь Сергеевич Дарофеев, такой же подтянутый, в неизменном накрахмаленном белоснежном халате, как и на десятках фотографий, которые в обилии покрывали несколько стендов по стенам Центра Традиционной народной медицины.

Больные проходили в небольшой зал, рассаживались по стульям. Некоторые, не успевшие еще наговориться в коридоре, в ожидании сеанса, продолжали тихо беседовать, спеша доделиться впечатлениями от работы целителя.

– Минуточку внимания. – Дарофеев встал посреди комнаты. – Сегодня я проведу с вами сеанс целительства. Я вижу несколько новых лиц и должен предупредить: во время сеанса я рекомендую закрыть глаза, сесть поудобнее и воздерживаться от комментариев.

Итак, начнем...

Целитель включил магнитофон и из динамиков, сначала еле слышно, а потом все громче, заструилась мягкая обволакивающая музыка. Мало кто знал, да и Игорь Сергеевич не афишировал этого, что он сам писал музыку для сеансов. Использовался для этого недавно приобретенный компьютер. И программа, позволяющая записывать музыкальные сочинения, появилась на нем одной из первых.

Еще с минуту в звуки из магнитофона вплетался скрип стульев и легкое сопение. Но вскоре посторонние шумы стихли, и Дарофеев приступил к сеансу целительства.

Игорь Сергеевич видел, что некоторые из пациентов еще не расслабились и поэтому начал с того, что он называл «представлением». Встав у стены, целитель сначала воздел руки к потолку, потом начал их медленно опускать. Затем он сделал несколько плавных круговых движений, словно плыл в чем-то вязком.

Никакого особого смысла этот церемониал не нес. Пациенты должны были видеть, что экстрасенс работает. А иного способа, кроме как размахивать руками, Дарофеев никак придумать не мог.

Наконец, самый стойкий, из новых пациентов, поддался магии космических звуков и закрыл глаза. На всякий случай Игорь Сергеевич просмотрел ауры присутствующих. Все пациенты давно находились в полудреме. Убедившись в этом, Дарофеев начал энергоинформационную работу.

Ему не надо было подходить к каждому. Индивидуальность целительства обеспечивалась тем, что на самом деле сеанс не был массовым. Игорь Сергеевич не действовал на всех скопом. Он по очереди настраивался на каждого пациента, делал то, что считал нужным, и принимался за следующего. Для этого ему даже не приходилось вставать со своего кресла.

Но если бы кто-то года два назад сообщил ему, что он, народный целитель Игорь Дарофеев, постоянно будет набивать полный зал клиентов и лечить их всех вместе – экстрасенс просто подумал бы, что у говорящего нелады с ясновидением. Нынче же, изредка вспоминая себя, каким он был несколько лет назад, Дарофеев поражался, насколько наивным и недалеким он был. Он сравнивал себя с библиотекарем, которому недосуг не то чтобы прочесть книги, которые находились в его распоряжении, но даже инвентаризировать их, или, на худой конец, пройтись по полкам и прочесть названия на корешках. Причем это застойное состояние тянулось много лет, пока, силой обстоятельств, целитель не получил сильнейшую встряску.

Тогда, более двух лет назад, в один момент на Игоря Сергеевича, которого за его постоянное позерство прозвали Пономарь, казалось, обрушились сразу все возможные напасти. Жену Дарофеева, тишайшую Елизавету Игнатьевну, вдруг похитили, дочь, за несколько месяцев ставшая наркоманкой, ушла из дома, а сам целитель получил анонимный звонок с угрозами. Не зная, что предпринять, и, в отчаянии, не надеясь на свои силы, экстрасенс обратился за помощью и в милицию, где у него работали друзья, и в криминальные структуры, к авторитету по кличке Сивый. И там, и там обещали сделать все возможное, и Дарофеев попал в нелепую круговерть событий.

Вскоре выяснилось, что все эти катастрофы инспирировал некий таинственный биоэнергетик, черный маг Гнус, работавший на наркомафию старого вора в законе, Рыбака. Гнус оказался гораздо сильнее самого Игоря Сергеевича, и тому пришлось применять все свои способности, чтобы просто остаться живым. Почти все силы наркомафии были брошены на то, чтобы уничтожить Дарофеева. Жену и дочь спасти не удалось. Хотя Дарофееву множество раз казалось, что он уже близок к успеху, Гнус все равно опережал целителя на шаг-другой.

Чтобы скорее уничтожить наркомафию, Пономарь с помощью ясновидения составил списки ее членов и дал их как милиции, так и знакомой «крыше». МВД сработало четко, множество бандитов было арестовано, но Сивый внезапно повел свою игру и скооперировался с остатками мафии Рыбака. Но тем самым он сам залез на гильотину и обрезал веревку.

Рыбак не хотел делиться доходами от продажи наркотиков и подставил Сивого. Милиция с помощью Дарофеева захватила их обоих.

Лишь в самом конце выяснилось, что Гнусом был один из ближайших друзей Игоря Сергеевича, Виктор Анатольевич Разин. Перед самоубийством он рассказал Пономарю две версии своей ненависти к нему. По одной Разин просто мстил Игорю Сергеевичу за то, что тот увел у него лучшую ученицу – Елизавету Игнатьевну. Другая же заключалась в том, что Разин-Гнус решил вывести Пономаря из того дремотного состояния, в котором тот пребывал последние годы. Но цена, которую пришлось заплатить за это обоим экстрасенсам, показалась Дарофееву тогда чрезмерной.

Надо сказать, что Игорь Сергеевич после этих испытаний действительно сильно изменился. Он перестал заниматься декламацией высокодуховных принципов, а начал действительно жить по ним.

Но испытания на этом не закончились. На следующий год в Москве начали происходить очень странные убийства. Казалось, что невесть откуда вылезла добрая сотня маньяков. Убийцы не только вырезали семьи криминальных авторитетов, известных банкиров и прочих людей, запятнавших себя перед законом, но и уничтожали их домашних животных и растения. Несмотря на то, что дня не проходило, чтобы в сводках происшествий не появилось несколько новых нераскрытых убийств, несмотря на то, что все подразделения милиции были подняты на ноги, никого найти не удавалось. До тех пор, пока к расследованию не подключился Дарофеев.

Практически сразу он смог обнаружить, что и убитые, и убийцы несли на своих энергетических телах неких паразитов. Эти странные искусственные образования, которые тут же получили название «программы», действительно могли заставить человека, на котором находились, совершать ужасные преступления, а потом начисто забыть об этом.

Биоэнергетик же, который их делал, находился в небольшом уральском городке Хумске. Но, несмотря на все усилия Игоря Сергеевича, найти этого преступника он не мог. Главный Управляющий Людями, ГУЛ, как претенциозно называл себя этот человек, мало того, что смог подчинить своей воле весь Хумск, он еще прекрасно маскировался.

И Пономарю вновь пришлось прибегнуть к помощи и своих друзей из ФСБ, и криминального авторитета по кличке Корень. Им несколько раз пришлось съездить в Хумск,

каждую минуту ожидая нападения запрограммированных ГУЛОм зомби, прежде чем Дарофеев смог в Институте Экстремальной Бихевиористики найти ГУЛа. Им оказался четырнадцатилетний мальчишка Витя Матюшин, слепоглухонемой, но обладающий потрясающими экстрасенсорными способностями. Он, самостоятельно научившись делать энергетические программы, вознамерился очистить Россию от преступников. И, наверняка, преуспел бы в этом, оставив после себя полную страну послушных идиотов, если бы не Дарофеев.

Еще во время их противостояния, Витя восхищался и ненавидел Пономаря. А после своего поражения, когда Игорь Сергеевич объяснил, наконец, ему, чем чревато такое поголовное зомбирование как для людей, так и для самого ГУЛа, мальчик полностью принял сторону целителя.

Они подружились. Витя стал Дарофееву как сын, и когда внезапно грянула новая беда, Витя, как мог, помогал Игорю Сергеевичу.

Корень, Николай Андреевич Репнев, который прекрасно был осведомлен о способностях Вити, вознамерился с его помощью извести всех конкурентов своего преступного бизнеса. Мафиози, отравив Пономаря наркотиками, похитил пацана, и, нагородив ему всякой чуши, принудил работать на себя. Но Витя видел, что Корень лжет, но, пока Дарофеев валялся в клинике, обколотый психотропными средствами, и во всем зависел от Репнева, мальчик решил немного подыграть мафиози.

У Николая Андреевича оставался последний, самый крупный и опасный конкурент – Рыбак. Старый вор в законе сидел в Бутырской тюрьме. Но камера его была больше похожа на номер в дорогом отеле, и оттуда он руководил всей своей многочисленной группировкой.

Но подготовленное Витей покушение на Рыбака провалилось. Мафиози оказался гораздо проворней, да и сообразительней, обычных витиных «клиентов». Старик сразу сопоставил события прошлого года, и это посягательство на его жизнь и пришел к выводу, что ключевым звеном здесь служит уже знакомый ему Дарофеев по кличке Пономарь.

Корень же, привыкший, что у Вити осечек не бывает, понадеялся на то, что задание будет выполнено, Рыбака не станет, и поэтому приказал убить Дарофеева. Ввести тому смертельную дозу наркотика. Витя, прочитав в мозгу мафиози эту мысль, решил, что пора вмешаться. Смертельный укол Игорю Сергеевичу не сделали и он, придя, наконец, в себя, выбрался из клиники, где его держали. Но, из-за лошадиных доз наркотика, Пономарь потерял память. Все способности его остались, но он не знал кто он, не помнил друзей, и, самое главное, у него слетели все этические рамки, в которых раньше Дарофеев очень строго себя держал.

Его друг, Сергей Владимирович Изотов, майор ФСБ, и брат Игоря Сергеевича, Константин, составили план, как вернуть Пономарю память. Для этого он должен был пройти череду стрессов, которые закончились бы возвращением прежнего Дарофеева.

Но если первые, самые легкие потрясения приготовили ему друзья, то Рыбак и Корень, не думали о психическом здоровье Пономаря, а лишь об его физическом устранении.

Но Игорь Сергеевич с честью прошел все испытания. Он расправился с бандой наркоманов-парапсихологов, подготовленных еще Гнусом, выдержал настоящий бой с доброй сотней головорезов Рыбака, и, в конце концов, вызвал того на дуэль. Старый мафиози согласился, но приготовил Пономарю сюрприз. Но, к своему удивлению, сам попался в свою же ловушку и благополучно взорвался вместе с ящиком динамита.

Вскоре после этого друзья Дарофеева провели последнюю стадию возвращения памяти, ритуал посвящения. Это подействовало даже сильнее, чем можно было предположить. Мало того, что к Игорю Сергеевичу вернулись воспоминания, так, он словно пересек какой-то очередной рубеж, и его биоэнергетические способности многократно усилились.

2.

Несколько последних месяцев прошеествовали медленно и неторопливо. Пономарь занимался лишь исцелением. Ни на что другое времени не хватало. Игорь Сергеевич не роптал. Он воспринимал эту адскую работу, с перерывами лишь на сон и еду, как очередное испытание.

Чтобы не оставлять Витю одного в пустой квартире, Дарофеев сумел убедить Академика Павла Георгиевича Дальцева, директора Центра Традиционной медицины, что ему нужен вполне конкретный помощник. В ученики к целителю постоянно стояла немалая очередь. Но двигалась она лишь по причине убийства претендентов. Пономарь давно изменил свою старую точку зрения, что эзотерике не стоит обучать всех подряд. Он понял, что даже если разжевать и в рот положить, все равно обучающийся возьмет только то, что в силах унести. А особой внутренней силы, изначального Ци, как эту энергию называют в Китае, оказывалось мало у кого много.

Витя Матюшин с первых же минут общения поразил и покори́л Дальцева. Павел Георгиевич никогда до сих пор не встречался с проекционными телепатами такой силы, и моментально оценил уникальность талантов Вити. После этой встречи бывший ГУЛ был официально признан учеником Дарофеева. Мало того, Дальцев, внезапно расчувствовавшись и расщедрившись, в обход всех процедур зачислил мальчика в штат Центра на должность помощника целителя. Но сомнений в том, какому именно целителю будет помогать юный Матюшин, ни у кого не возникало.

И сейчас, когда Игорь Сергеевич проводил свой сеанс, Витя находился рядом уже второй рабочий день. Он сидел за столом, утопая в новеньком белом халате с подогнутыми рукавами, и неторопливо заполнял карточки. Это не мешало ему заниматься еще двумя вещами: наблюдать за работой Дарофеева и вести с ним телепатическую беседу.

Витя множество раз следил за тем, как Пономарь лечит. Но до сих пор этот процесс был для него как детская книжка с картинками. Вроде, все и так понятно, это – туда, это – сюда... Но почему Игорь Сергеевич делает именно так, а не иначе, оставалось для Вити пока загадкой. И сейчас он со всем возможным вниманием смотрел и слушал.

Дарофеев принялся за очередного пациента, мужчину средних лет с одутловатым лицом, кожу кистей рук которого сплошь покрывали маленькие трещинки.

– Смотри. Он у меня в первый раз. Для начала надо установить с ним контакт.

Перед мужчиной появился тонкоэнергетический двойник Игоря Сергеевича. Он пробежался пальцами по силовой астральной оболочке пациента, нашел точку входа над головой и, словно расстегнув невидимую молнию, раскрыл кокон. Тот распался на несколько лепестков и биополе пациента стало похоже на недоочищенный банан с отогнутой книзу кожурой.

– Зачем это? – Поинтересовался Витя.

– Если работать без этого этапа, мое воздействие может вызвать защитные реакции в организме. Пациент на энергетическом уровне будет сопротивляться. Тела, и плотное, и тонкие привыкли к нынешнему состоянию, и будут стремиться вернуть его. А с ним и болезни. Снимая этих «сторожей», я избегаю и лишних усилий, и становлюсь как бы «своим». – Объяснил Пономарь, продолжая свои занятия. – А теперь я стану своим полностью. Следи за анахатой¹.

В следующее мгновение цвет излучения сердечного чакра Дарофеева стал тускнеть. Из ярко-зеленого он стал каким-то болотным. Того же самого оттенка, что и цвет анахаты

¹ Анахата. – Энергетический узел в теле человека, чакр, расположенный на уровне сердца.

пациента. Как только это произошло, туловище мужчины окутало зеленое облако, исходившее от двойника целителя.

– Видишь, – обратился Игорь Сергеевич к Вите, – я подстроил свою анахату под его. Теперь любое мое воздействие его тело будет принимать за внутренние изменения и сопротивления не возникнет.

– Так вот для чего это...

– Теперь дальше. – Целитель усилил природный поток энергии, входивший в его Дыру Брамь², пропустил его через себя и, выпустив луч из муладхары³ изогнул его полукругом и, словно на шампур надел на этот энергетический поток пациента. – Такая связка дает нам и общность энергий, да и сам больной теперь никуда не денется от моего лечения. – Пояснил Пономарь.

– Ты вылечишь его за раз? – Поллюбопытствовал Витя.

– Увы, нет. – Мысленно усмехнулся Игорь Сергеевич, уже начав тонкие манипуляции самого процесса целительства. – Тела человека, и плотное, и тонкие, обладают памятью. Если я за один сеанс радикально все поменяю, то эта память тел будет стремиться вернуть все как было до лечения. И оно пойдет насмарку. А если изменять энергетику постепенно, с каждым разом увеличивая крен в сторону здоровья – тела это запомнят и сами будут мне помогать...

Но как только Дарофеев все это объяснил, произошел странный инцидент. Одна из пациенток внезапно глубоко вздохнула и с громким звуком харкнула. Траектория полета ее слюны неминуемо должна была бы завершиться на галстук другого дарофеевского пациента, председателя элитарного клуба Холмс. Сам Пономарь, полностью поглощенный лечением, не успел отреагировать. Но Витя сумел телекинетически перехватить плевок и, резко изменив направление его движения, направил в урну при двери.

– Что это было? – Сторожевые структуры Пономаря следили лишь за тем, чтобы ему самому не было причинено непосредственного вреда. На окружающих, пусть даже и пациентов, такая защита не распространялась.

– Я и сам толком не понял. – Парень пожал плечами. – Эта женщина сидела. Потом вдруг словно очнулась. И плюнула вон в того, с галстуком.

– Она о чем-то думала?

– Так, обычный фон. Жалела себя, жалела деньги, думала о какой-то косметике. Это она в общество такое входит, «Косметика». Тайное, кстати.

– Ну, и ладно. – Игорь Сергеевич продолжил работу. Никогда раньше его пациенты ничего такого себе не позволяли. Были, конечно, конфликты и даже драки из-за очереди, бывало, что исцеляемого начинало трясти и корежить, были обмороки, слезы, спонтанный энурез но так хладнокровно харкаться во время сеанса еще никто себе не позволял!..

Дарофеев взял на заметку эту женщину и решил изучить ее тщательнее, нежели обычного пациента. Пономарь до сих пор не встречался с представителями тайных обществ. Даже широко разрекламированных масонов ему никогда не попадалось. Сейчас же что-то подсказывало целителю, что с этой «Косметикой» ему еще предстоит столкнуться. И что этот плевок, хотя и предназначался не ему лично, является вызовом и он порожден не простой случайностью или мимолетной прихотью, а чьей-то злой волей.

² Дыра Брамь – Экстрасенсорный термин, один из дополнительных чакров. Локализуется на месте родничка на голове человека.

³ Муладхара. – Энергетический узел, чакра, находящийся в копчике.

3.

Сегодня у Сергея Владимировича Изотова должна была состояться очень важная встреча. Вот уже несколько недель он ходил в первичную ячейку «Общества Космической Этики», «Космэтики» сокращенно, и на этом то ли заседании, то ли медитации должен был присутствовать Посвященный третьего эшелона. Мало того, он должен был провести собеседование, результатом которого могло быть дальнейшее продвижение самого Сергея Владимировича по иерархической лестнице «Космэтики».

Слухи об этом визите ходили с самого начала. Простые члены, о которых Изотов не знал ничего, кроме их достаточно агрессивных прозвищ, Пиранья, Барс, Акула, Тирэкс, все в один голос твердили, что эти Посвященные специально выискивают людей с экстрасенсорными способностями и раз в два-три месяца обязательно посещают низовые группы. Некоторые из этих людей были членами «Космэтики» уже больше года, но переход в следующий эшелон был доступен им лишь после достаточно дорогостоящего курса «Ступни Пуруши». Впрочем, как неоднократно убеждался Сергей Владимирович, потенциал к сверхчувственному восприятию имелся у всех. Другое дело, насколько они были развиты, и насколько сам человек хочет их совершенствовать.

Сам же Изотов, волею судьбы, около полутора лет назад внезапно для себя стал очень мощным биоэнергетиком. Тогда он, будучи еще майором ФСБ, расследовал массовые убийства среди банкиров, политиков и людей искусства, прямо или косвенно связанных с криминальным миром. Именно тогда Сергей Владимирович познакомился с народным целителем Игорем Дарофеевым. И именно Дарофеев распутал весь этот клубок преступлений. Оказалось, что убийцы-исполнители не виноваты, а спровоцировал их на уничтожение некий ГУЛ, научившийся подавлять волю на расстоянии. Делал он это с помощью сложных энергетических конструкций, которые, с легкой руки Игоря Сергеевича, стали называть просто «программы».

Одна из таких «программ» была «прицеплена» к самому Сергею Владимировичу. И, не будь рядом Дарофеева, Изотов превратился бы в неосознающего себя убийцу. Но ГУЛ сумел увидеть в майоре то, что Пономарь проглядел. У Сергея Владимировича оказался весьма мощный биоэнергетический потенциал. Программа активизировала эти способности, и Изотов в одно мгновение стал сильным экстрасенсом.

Позже, когда ГУЛа нашли и прервали те тонкие каналы, которыми он подпитывал существование своих программ, те буквально испарились. Но раз разбуженные способности Изотова остались при нем. Пономарь, по мере сил, обучил майора пользоваться ими, и Сергей Владимирович с радостью впитывал все премудрости жизни в расширенном восприятии.

Все то, что невольно даровал ему ГУЛ, малолетний Витя Матюшин, и те знания, которыми щедро поделился Дарофеев, Изотов с успехом начал применять в своей основной работе. Долго скрывать это от начальства не удалось и вскоре Сергею Владимировичу засветило очередное повышение. Но в этот момент с Пономарем стряслась беда. Он потерял память.

Изотов, несмотря на то, что Игорь Сергеевич рассказал ему очень многое, память восстанавливать не умел. И он решил применить доступный ему способ: провести мощный ритуал посвящения. Больше недели ушло на подготовку, за это время Дарофеев получил множество встрясок, но лишь одна из них, встреча с Витей, смогла вернуть ему часть воспоминаний.

Ритуал провели на высшем уровне. Игорь Сергеевич не только вернул себе память, но и перешел на следующую ступень развития своих способностей. Изотов, глядя на это, зави-

довал белой завистью. Он понял, что и сам должен пройти через посвящение. Но опасности кончились, начались рутинные будни, и у майора никак не получалось заново организовать такое действо.

Но несколько недель назад к нему непонятным образом попало дело о непреднамеренном убийстве. Молодой парень, Скворец Михаил Даниилович, спускался на эскалаторе станции метро Таганская кольцевая. В руке у него была бутылка пива, к которой он периодически прикладывался. В какой-то момент бутылка выскользнула и заскользила вниз по стальной полосе рядом с поручнем. В тот момент, когда она достигла конца эскалатора, там оказалась гражданка Иващенко Елена Тихоновна, 38-ми лет. Женщина кого-то ждала и слегка присела, чтобы подальше рассмотреть тех, кто спускается на станцию. Бутылка, набрав огромную скорость, проломила ей переносицу. Елена Тихоновна упала на спину и ударилась затылком. У нее случился перелом шейных позвонков, и по пути в больницу она скончалась.

Изотова в этом случае заинтересовало то, что задержанный Скворец в своих показаниях рассказал две интересные вещи. Во первых, он не помнил момент, когда выпустил бутылку из пальцев. На него вдруг снизошло какое-то не-то озарение, не-то просветление и пока он, отрешившись на несколько мгновений от мира, пребывал в благодати, и случилась эта трагедия. Второе, на что обратил внимание Сергей Владимирович, так это то, что парень состоял в тайном обществе. На самом деле, как выяснил позже майор, оно было не тайным, а нелегальным, незарегистрированным. Но название этого общества «Космэтика», Космическая Этика, показалось Сергею Владимировичу похожим на название обычной тоталитарной секты. Это подтверждалось и тем, что там занимались какими-то биоэнергетическими практиками, за обучение которым надо было выкладывать весьма приличные суммы в валюте, и тем, что от адептов требовали полного самоотречения.

Получив разрешение на расследование обстоятельств более детально, Изотов отпустил Скворца. Предварительно он провел несколько доверительных бесед, называвшихся допросами лишь на бумаге. Майор вскользь несколько раз упомянул, что увлекается мистикой и эзотерикой. Парень клянуул. Вскоре Михаил во всю расхваливал секту, членом которой он являлся. Сергей Владимирович сделал вид, что настолько заинтересовался Космэтикой, что готов сам в нее вступить и, ради этого, освобождает парня из тюрьмы. Около месяца ушло на какие-то проверки Изотова, но вскоре ему позвонили и пригласили на первое заседание ячейки.

Так Сергей Владимирович попал в тайное общество.

Первые несколько недель ничего примечательного не происходило. На встречах, которые проходили в помещении какой-то библиотеки под видом поэтических семинаров, адепты под руководством какого-то щуплого мужичка, назвавшегося Енотом и наизусть знавшего «Космэтику» со всеми примечаниями, штудировали тот самый том «Космэтики», некоего Михаила Шаманова, занимались медитациями и накоплением «внутренней силы».

Изотов, прочтя труд Шаманова, с первого взгляда обнаружил в нем массу несообразностей и откровенных передергиваний. Подобное, впрочем, почти всегда встречалось в такого рода литературе, и было обусловлено или тем, что автор сам плохо знает предмет, о котором пишет, или же специально запутывает читателя, направляя на подготовленную для будущего адепта извращенную дорожку, ведущую к нищету, но счастливому растительному существованию, или, в пределе, к уничтожению личности.

Но, прекрасно понимая, в какие ловушки может завести это учение, Сергей Владимирович ни разу не дал усомниться в своей преданности. Он даже осаживал тех, кто задавал провокационные вопросы Еноту. А поводов для таких «опасных» вопросов всегда было предостаточно.

Когда же период первичного обучения подошел к концу, лишь майор и еще четверо из его группы удостоились чести стать посвященными первого эшелона.

Сам ритуал ничего особенного из себя не представлял. Ведущий слегка ударил Изотова ладонью по голове, причем никакой энергии он посвящаемому не передавал. От этого ритуала у майора осталось ощущение обмана. Словно чего-то произошло, серьезное, важное, а он в то время смотрел в другую сторону и ничего не заметил.

Сергей Владимирович, не оглядываясь, шел по Остоженке. Там, во дворах, стоял двухэтажный особнячок, в котором и проводились встречи «перваков», посвященных первого эшелона. Чем там занимались космэтологи, никому интересно не было, хотя, по неподтвержденным пока ничем слухам, все сотрудники милиции в этом районе уже входили в «Космэтику».

Поднявшись на второй этаж, Изотов сразу прошел в зал, где обычно проходили собрания. Там уже сидели несколько первопосвященных. Сергей Владимирович занял свое место и, сделав вид, что погрузился в чтение газеты, принялся слушать разговоры. Большей частью в них не было ничего интересного, обсуждение той же самой Космэтики, упражнений, спорта, погоды, но иногда встречалось и что-то интересное. Типа внезапно участвовавших случаев временного помутнения сознания. Все они не приводили к летальным последствиям, как тот, что привел сюда Изотова, но, судя по тому, что таким «недугом» страдали практически все посвященные, майор понял, что не ошибся, ухватившись именно за эту ниточку. Но до сих пор ему не было понятно, как и, главное, почему возникают такие провалы сознания.

– Здравствуйте, уважаемые.

Сергей Владимирович оторвался от «чтения». На кафедре появился Енот. Но не это поразило майора. Рядом с ведущим стоял незнакомый Сергею Владимировичу человек. И этот незнакомец был сильнейшим биоэнергетиком.

Уже давно Дарофеев научил майора определять кто есть кто. У обычных людей энергетическая оболочка была неровной, напоминая булыжник, только что отколовшийся от породы. Эта оболочка имела форму или гриба, или гантели. И лишь у тех, кто серьезно занимается самосовершенствованием, биополе имело форму яйца. Сергей Владимирович давно научился маскироваться под «обычного», накладывая на свое идеальное «яйцо» нечто бугристое и неровное. Но сегодня он забыл об этой маскировке.

Незнакомец бегло осмотрел собравшихся. Его взгляд остановился на Сергее Владимировиче. Они несколько секунд смотрели друг другу в глаза, и вдруг биоэнергетик нанес Изотову удар лучом из анахаты. Майор едва не среагировал по привычной схеме, когда вся энергия поглощается защитной оболочкой, а негативная информация рассеивается в пространстве. Вспомнив, что должен играть человека несведущего в таких делах, фээсбэшник просто поставил перед собой зеркало, и луч, отразившись, ушел к хозяину.

– Э тот. – Произнес незнакомец, показывая пальцем на Сергея Владимировича.

4.

– Плохо.

Николай Андреевич Репнев, депутат Московской городской Думы, в криминальных кругах был известен как главарь одной из крупнейших преступных группировок по кличке Корень. Он сидел в своей квартире на Кутузовском и на экране монитора наблюдал за компьютерной трехмерной моделью перехвата партии оружия. Над его людьми развевались красные флажки, противник, боевики криминального авторитета Палтуса, к которому и шел груз, помечены были синим. Действие происходило в южном порту. «Красные», до поры до времени, сидели затаившись, и лишь когда ящики оказывались на трех грузовиках, начинали действовать. Причем схема этих действий, почерк «работы», ее характерные особенности, должны были идеально походить на стиль операций другого криминального босса – Пятака.

Да и несколько загодя припасенных мелочей, которые должны были остаться на этой сцене, должны были убедить Палтуса, что против него пошел именно Пятак, а не кто-то другой.

Программа выдавала картинку, напоминающую компьютерную игру. Собственно, почти так оно и было. Графику Драйвер, компьютерный гений Корня, содрал с игры «Unreal». Но то, что заставляло двигаться фигурки бойцов, ничего общего с исходной программой не имело.

Николай Андреевич старался, чтобы у Драйвера всегда была самая лучшая и самая мощная компьютерная техника. Во всем остальном Репнев его ничем не ограничивал. Главное, требовал Корень, чтобы анализ ситуаций в любой нужный момент оказывался в его компьютере. И Драйвер никогда не подводил своего босса.

Мало того, именно драйверовский анализ ситуации после того, как Репнев попытался убить Пономаря, который уже дважды к тому времени спасал жизнь авторитета, заставил Николая Андреевича пересмотреть свое решение и отказаться от охоты за Дарофеевым. Это, впрочем, привело к неожиданному результату: Игорь Сергеевич сам «завербовал» Репнева. И теперь криминальный босс сам боролся с преступностью в России. Делал он это, правда несколько нетрадиционным путем: Корень стравливал между собой другие группировки.

Анализ такой политики ничего путного не давал. Компьютеры, хотя в них и заложили массу информации, вплоть до расписания магнитных бурь, однозначного результата не давали. Слишком многое упиралось в случайности, которые умные машины предусмотреть не могли даже теоретически.

С месяц назад в распоряжении Драйвера появился нейрокомпьютер четвертого поколения, на котором тот и принялся просчитывать как глобальную стратегию Николая Андреевича, так и отдельные операции. До сих пор все шло просто превосходно. Уже восемь крупномасштабных дел разработанных с помощью этой техники прошли на «ура». Никто из людей Репнева не пострадал, все боевики его конкурентов были уничтожены, товар захвачен, а оставленные следы говорили о том, что это совершила совсем другая группировка.

Но это, девятое по счету как-то не заладилось. Корень прогонял на своем компьютере несколько вариантов, которые предоставил ему Драйвер, но ни один из них не нравился Николаю Андреевичу.

– Плохо. – Снова пробормотал Репнев, после того как на экране появилась итоговая таблица: убитых у противника: 16, все, убитых у нападающих: 2.

До сих пор люди Корня потерь не несли.

Зная, что Драйвер сделал все возможное, Николай Андреевич, вздохнул, и остановился на последнем варианте. Том, где с его стороны было два трупа. Сообщив по кодированной электронной связи о своем решении, Репнев выключил компьютер и вышел из кабинета.

Глава 2

1.

Прием давно завершился, но Дарофеев и Витя все еще сидели в Центре. Новый кабинет Пономаря идеально подходил для посиделок, чем и пользовались его коллеги-экстрасенсы. Вот и сегодня к Игорю Сергеевичу после работы пришла целая делегация. Он принимал всех, слушал, рассказывал, отвечал на вопросы. Многие специально старались перевестись в смены, когда работал Дарофеев, лишь для того, чтобы иметь возможность участвовать в этих посиделках, уже давно превратившихся в подобие неофициальных семинаров. Пономарю спешить было некуда, да и не к кому, и он с удовольствием проводил время среди коллег. Кипел чайник, на столе еще оставались последние бутерброды, а беседа плавно перетекла с обсуждения методов работы на непонятные случаи, которые произошли с работниками Центра традиционной медицины.

– ...делаю стандартную схему. Вынимаю мозги и причесываю. – Кирилл Самоходов, работающий у Дальцева всего третий год, никогда не упускал возможности пообщаться с Дарофеевым. – Дама млеет, все довольны. Ну, провожу сеанс, другой. На пятый она мне и говорит: «Ой, спасибо вам, доктор!» Что, спрашиваю, голова не болит больше? «Да, голова давно не болит, – отвечает, – У меня после ваших сеансов геморрой прошел!» А лечил-то я только голову!

Самоходов рассмеялся своей истории и, прекратив размахивать кружкой с чаем, отпил из нее.

– И почему так?

Дарофеев даже не повернулся на голос. Леночка Ракова. Самая молодая работница Центра, если не считать Вити. Она травница, и весьма неплохая, но поголовное обучение работников Центра биоэнергетике почему-то прошло мимо нее. Игорь Сергеевич видел, что потенциал у девушки сильный, но знаний никаких. И здесь она впитывала каждое слово опытных целителей.

– Ну, смотри, – Кирилл поставил кружку на стол и принялся показывать, – после того, как я с пациентом законтачил, я прочищаю сушунму ⁴...

Дальнейшее Игорю Сергеевичу уже не было интересно. Он, смоделировав ситуацию, сразу понял, что геморрой ушел, едва прочистилась муладхара. И вдруг внимание целителя переключилось на еще одну группку из трех экстрасенсов. В их разговоре Дарофееву послышалось странное слово, «косметика». Нет, «космэтика». Из-за э-оборотного в середине слова, оно звучало как-то неестественно и резало слух.

Второй раз за этот день услышав про таинственную «Космэтику», Пономарь переключил внимание на говоривших о ней экстарсенсов.

– Витя. – Мысленно позвал Дарофеев.

– Да.

– Послушай, о чем они думают. – Попросил Пономарь, представляя эту троицу.

Сам же Игорь Сергеевич, несмотря на всю свою «продвинутость», до сих пор не мог так глубоко сканировать мозговые процессы, как Витя. Дарофеев мог лишь ловить то, о чем думает человек в данное мгновение.

⁴ Сушунма. – Энергетический канал, проходящий по оси позвоночника.

Целитель встал со своего места и, на всякий случай, облачившись в блок невидимости, подошел к говорящим.

– ...не понимаю. – Услышал Дарофеев окончание фразы.

– А чего тут не понимать? Тебе сделали мощную подключку. – Михаил Кагарлицкий, мануальный терапевт пожал плечами.

– Тогда почему она включается раз в день? – Недоумевал Василий Оганесян. Пономарь знал, что этого целителя всегда кидает в разные крайности. Он то ударялся в шиваизм, то практиковал дао, то возвращался в лоно православия.

– Ну, может, когда Господу надо, тогда и включается. – Третьим из собеседников был Трофим Тихонович, благообразный старичок, про которого ходили слухи, что он настоящий ведьмак.

– Но раньше же такого не было! – Оганесян начал размахивать руками. – Ну, лечу, себе, лечу. Вижу, знаю, что где надо сделать. А тут словно затмение. В глазах яркий свет. Ничего не вижу, ничего не соображаю, только чувствую, энергия куда-то струячит.

– Это ты на Сварога ⁵ вышел. К сынам его причастился. – Пояснил Трофим Тихонович. – Это он светом Мать-Землю оплодотворяет...

– Мне его света и на улице хватает. – Перебил старичка Василий, – А я из-за этого контроль теряю!

– Когда впервые выходишь на новое ИСС ⁶ всегда кажется, что контроль ушел. Пообвыкнешься – все вернется. – Резонно предположил Кагарлицкий.

– А началось-то после чего? – Спросил Трофим Тихонович.

– Да, после первого посвящения этой Космэтики, будь она неладна!

– А чего ты к ним полез? – Язвительно поинтересовался Михаил.

– Я полез? – Возмущенно воскликнул Оганесян. – Кто мне говорил: «Космэтика, космэтика! Такое общество, такое общество!» Не ты ли?

– Внимание. – Телепатировал Дарофеев Вите. Сам Игорь Сергеевич уже давно стоял рядом со спорщиками и внимательно слушал их разговор.

– Я готов. – Ответил тот.

– Господа, – обратился Пономарь к экстрасенсам, – не просветите ли меня, что такое эта ваша космэтика?

С первыми словами целителя слабенький блок невидимости, годный лишь на то, чтобы отводить глаза окружающим, с него слетел, и, по крайней мере двое из этой троицы ошеломлено уставились на появившегося из воздуха Дарофеева.

– Это учение такое. – Трофима Тихоновича, казалось, ничто не может поколебать, он смотрел Игорю Сергеевичу в глаза и невозмутимо вещал. – Секта новомодная.

– Да никакая не секта! – Отчего-то обиженно забормотал Оганесян.

– А что? – Спросил Пономарь.

– Ну, они... – Замялся Василий, а Кагарлицкий, криво ухмыльнувшись, продолжил за коллегу:

– ...советуют жить как учит космическая этика.

– Это что же за зверь такой? – Трофим Тихонович нахмурил брови. – Людскую этику знаю. А космическую...

Михаил просиял. У него появилась возможность рассказать о том, что раньше приходилось скрывать, и он не преминул воспользоваться шансом, чтобы поагитировать:

– Мы вступили в эпоху Водолея, – с заученными интонациями затараторил Кагарлицкий, – Эта эпоха характеризуется вступлением в силу новой парадигмы человеческого созна-

⁵ Сварог. – В древнеславянской мифологии бог небесного огня. Может отождествляться с Солнцем.

⁶ ИСС. – Аббревиатура от Измененное состояние сознания.

ния. Человек перестанет быть отъединенным от космического сознания и волеется в обширный конгломерат разумов Вселенной. А для того, чтобы этот процесс прошел максимально безболезненно, через контактера Шаманова нам спустили учение Космической Этики, как единственное, которым можно будет пользоваться в грядущей эпохе.

– Все. Хватит. – Мысленно сказал Витя Дарофееву.

– Что ж, спасибо, – Игорь Сергеевич отвесил Михаилу шуточный полупоклон, – за исчерпывающую информацию.

2.

Сразу после этого события вдруг стали разворачиваться с непонятной поспешностью. Сергея Владимировича немедленно пригласили в святая святых Енота, комнатку, где тот проводил время перед занятием. Сам Енот остался в зале, а Изотов оказался наедине с незнакомцем.

– Меня зовут Павел Самсонович Ладушкин. – Представился тот.

Фээсбэшник тоже назвал себя и пожал сухую мягкую ладонь посвященного.

– Вы, наверное, удивлены, что я вдруг снял вас с занятия? – Павел Самсонович прищурился и стал пристально изучать лицо Изотова.

– Меня больше удивляет, что вы представились. – Честно ответил майор.

– Да, конспирация... – Закивал Ладушкин. – Но не беспокойтесь, теперь вам не придется общаться с теми, кто знает друг друга под кличками. Поедете со мной? – Посвященный резко переменял тему разговора и настороженно стал ожидать реакции Сергея Владимировича.

Изотов же молчал, терпеливо ожидая продолжения. Павел Самсонович не выдержал первым:

– У вас великолепный потенциал. Вам это известно?

– Да. – Кивнул Изотов.

– Хорошо. Согласны ли вы перескочить сразу несколько ступеней в иерархии «Косм-этики»?

Майор несколько секунд смотрел перед собой, изображая работу мысли и внутренне ликуя, что ему так просто удалось выйти на действительно значимых членов этой секретной организации.

– Да, – наконец проговорил майор.

– Поехали.

Ладушкин и Изотов вышли на улицу. Там Павел Самсонович сел в красную «Оку», открыл фээсбэшнику дверцу и, когда тот устроился на тесном сидении, посвященный завел мотор. Ехать пришлось недолго. «Ока» сперва вышла на Садовое, потом свернула на Люсиновскую и, немного не доезжая рынка, свернула во двор. По пути Ладушкин позвонил по мобильнику и, бросив в трубку:

– Один. – Защелкнул крышечку аппарата.

Сергей Владимирович всю дорогу исподтишка разглядывал посвященного. Сканировать, используя энергетические потоки, Изотов посчитал опасным, мало ли как мог отреагировать этот человек, и поэтому майор ограничился лишь внешним наблюдением за аурой Ладушкина. А там было что посмотреть. Оболочка биополя оказалась практически ровной, что свидетельствовало о прекрасном здоровье. Но излучение чакр заставило Сергея Владимировича насторожиться. Там преобладали приглушенные и темноватые цвета. А это значило, что человек этот и жесток, и беспринципен. Мало того, в муладхаре явственно просматривались два дополнительных «лепестка». А, в сочетании со всем уже увиденным, это давало знать фээсбэшнику, что Павел Самсонович мало того, что привык всегда навязывать

свою волю окружающим, так он еще и может заставлять человека ей безоговорочно следовать.

Во дворе, куда свернул Ладушкин, их уже ждали два джипа-мерседеса, какие-то квадратные и состоящие сплошь из прямых углов, под завязку набитые пассажирами, и белый СААБ. Изотова без лишних слов попросили пересесть в СААБ, и вскоре машины уже мчались по Варшавскому шоссе в сторону Окружной.

Попутчики попались Сергею Владимировичу тоже неразговорчивые, и ему ничего не оставалось делать, кроме как глядеть в окно, да анализировать биоэнергетические излучения находившихся в машине.

Вскоре вереница машин выехала за город. После получаса стремительной езды по полупустой трассе, они свернули на проселок. Несколько поворотов, и они прибыли на место. Здесь, на небольшом холме, прямо в чахлам перелеске был разведен костер, и вокруг него уже бродили люди в белых балахонах, подозрительно напоминавших Ку-клукс-клановские.

– Единственная инструкция. – Обратился Павел Самсонович к вышедшему из автомобиля Изотову. – На все вопросы отвечайте «да», и делайте, что говорят.

Сергей Владимирович кивнул. Он уже успел просмотреть место и, с удивлением для себя, обнаружил, что оно обладает какой-то древней, но все еще мощной энергетикой. Очевидно здесь, в еще дохристианские времена, находилось языческое капище.

По какому-то сигналу, люди в белом выстроились вокруг костра. Майор огляделся. Его попутчики уже успели переодеться, и они были практически неотличимы от тех, кто пришел сюда раньше. Единственным чужеродным пятном казался человек в пурпурном одеянии. «Ладушкин, – тут же определил Сергей Владимирович. – Видно, он у них большая шишка...»

Посвященный пальцем поманил Изотова. Тот, помедлив мгновение, шагнул в круг. И сразу же «балахоны» начали петь. Песня была без слов, одна мелодия, которую люди выводили истоно, он без надрыва.

– Согласен ли ты причаститься к таинствам Учения об Этике бессмертного Космоса? – Торжественно спросил Павел Самсонович.

– Да. – Твердо произнес майор.

– Согласен ли ты следовать бесконечному пути совершенства, управляемому Этикой бессмертного космоса?

– Да.

– Согласен ли ты нести знание об Этике бессмертного Космоса всем, кто взалкает его?

– Да. – В третий раз ответил Сергей Владимирович.

Несколько «балахонов», не прерывая пения, обступили Изотова и быстро раздели его донага. Тут же четверо людей подняли майора на руки и перебросили через костер. Там, на другой стороне огня, его ловко подхватили чьи-то сильные руки и моментально швырнули обратно. Когда Сергей Владимирович в третий раз перелетел через костер, его, наконец, поставили на землю, но в покое не оставили.

Кто-то вложил ему в руки засушенную ветвь дуба с желудями. Тут же пурпурный «балахон» срезал у фээсбэшника с несколько волосков с макушки и с лобка, скатал их в комочек и, вынув один из желудей из его гнезда, разломил тот пополам, вынул ее, положил внутрь волосы, соединил половинки и, послушавив желудь, прилепил его на прежнее место.

– Сейчас ты простишься с прежней жизнью и станешь полноправным членом братства Космической Этики! – Торжественно провозгласил Ладушкин. – Кидай ветвь в огонь.

Изотов послушался. Пламя моментально пожрало ссохшиеся листья и горящие желуды с легким треском начали лопаться и сгорать. В какой-то момент огонь, словно найдя для себя новую пищу, резко взметнулся ввысь, немного опалив лицо Изотова.

– Космос принял твою жертву! – Воскликнул Павел Самсонович.

Внезапно у всех в руках оказались стаканы. Сергею Владимировичу тоже кто-то вложил в руку стакан, наполненный жидкостью. Даже не пригнувшись, майор понял, что это водка.

– Пей половину, остальное – в костер. – Шепнул Ладушкин.

Изотов исполнил, заметив, что так поступили все окружающие.

И лишь после этого капюшоны были сняты и космэтологи обступили Сергея Владимировича, наперебой поздравляя того с удачным посвящением. Майор же автоматически отвечал, все прислушиваясь к себе, и никак не мог обнаружить каких-то изменений.

3.

Игорь Сергеевич вел свой новенький Форд «Фокус» морковного цвета. Рядом с ним сидел Витя и рассказывал то, что удалось выудить из мозгов спорщиков-космэтологов. Дарофеев сравнивал это с тем, что ему самому удалось увидеть и почувствовать, и пытался делать предварительные выводы.

– На самом деле конспирации у них нет никакой. Собираются совершенно легально. Арендуют помещения, правда, через подставные фирмы, но любой, кто заинтересуется, может проникнуть в их, так называемую, тайну.

– Открытое тайное общество? – Усмехнулся про себя Пономарь. – Оригинально.

– Другое дело, что все, кто эту «тайну» узнает, присоединяется к ним. – Продолжал Витя.

– Но почему? – Вновь перебил его Дарофеев.

– О! У них отдельный подход. Каждому они находят что дать.

– Обман?

– Почти. Всем они обещают удачу в их делах. Для этого, как водится, надо платить. И немало. Вон, Кагарлицкий за один только курс месячную зарплату выложил. А курсов он прошел уже четыре. Он у них уже полгода, а выше первого уровня все равно не поднялся.

– А Оганесян?

– Этот только вступил и еще сам толком не разобрался.

– А откуда эти провалы?

– Сами они не знают. Но, когда разговор шел о них, каждый вспомнил по несколько таких случаев.

– Так это, значит, система?

– Они их как систему не воспринимают. Думают, что это им удача таким образом... Нисходит, что ли...

– Удача... – вслух хмыкнул Игорь Сергеевич. – Черт знает, что они могут в таком «просветлении» натворить.

– Ну, что, я гляну? – Предложил Витя.

Пономаря вдруг кольнуло неприятное предчувствие. Как он сам иногда выражался, «дежавюшка пролетела». Дарофеев уже знал, что такие спонтанные прозрения будущего связаны с вероятными негативными последствиями тех шагов, которые кто-то, или даже он сам, пытается предпринять. Он поджал губы и как можно четче мысленно проговорил:

– И думать не смей!

– Хорошо, дядя Игорь.

По всему было видно, что Витя обиделся на Игоря Сергеевича.

– Витя.

– Ну, что?..

– Я не понимаю, что происходит, но, чувствую, творится нечто ужасное. И не стоит тебе туда лезть одному.

– Раньше лазил, и ничего... – Все еще тоном оскорбленного достоинства протянул парень.

– А представляешь, что будет, если у тебя начнутся такие провалы?

Витя на мгновение задумался.

– А с чего вдруг? – Полюбопытствовал он после раздумий.

– Сам же выяснил, что едва узнаешь об этой «Космэтике», как тебя туда будут вербовать.

– Ну?

– А мы пока не знаем, что вызывает эти «провалы». Да, и что человек в их время делает, пока тоже. Может, просто сведения о «Космэтике» обладают какой-то энергетикой, которая... – Дарофеев осекся, поняв, что говорит полную чушь. – В общем, пообещай, что один к ним не сунешься.

Витя вздохнул. Он понимал, что эта опека происходит от желания огородить его, бывшего ГУЛа от возможных психологических и энергетических травм, но смириться с ней не мог. Все же в некоторых планах он считал себя гораздо опытнее своего наставника.

Молчание затянулось. Парень отгородил свои мысли от Пономаря и тот вел машину, лишь догадываясь, о чем думает его помощник.

– Нет. – Проговорил, наконец, Витя.

– Хорошо. – Смирился Игорь Сергеевич. – Но будь очень осторожен.

Витя на это лишь улыбнулся.

4.

Михаила Львовича бригадир, мелкий пронырливый мужичонка по кличке Шпала, определил на одну из самых тяжелых операций, на галтовку. В ведении Шамана был восьмиугольный металлический барабан, который приводил во вращение мощный электромотор. Грибокоть должен был набивать этот барабан деталями, внутри они бились друг о друга, обтачивая острые после пресса края. Получающаяся стружка сыпалась в поддон, а десятки килограмм деталей приходилось и загружать, и выгружать с помощью самого зековского инструмента – лопаты. Ящики, в которых лежали детали для удобства транспортировки обладали лишь ручками, за которые их и надо было волочить по полу, зацепив крюком. Михаилу Львовичу иногда начинало казаться, что он угодил в какое-то дремучее время, еще до изобретения колеса. Единственное, что могло его порадовать, так это то, что после двух недель непрерывного «тягания железа», его мышцы окрепли, хотя в первые дни он едва мог доползти до своей шконки и раздеться.

За это время Грибокоть успел сдружиться с еще одним москвичом, Данилой Сергеевичем Рыковым, по прозвищу Рак, огромным мужиком, работавшим на воле грузчиком, но не чужавшегося и культуры. Рак-то и объяснил Михаилу Львовичу многие хитрости зековского бытия и общежития. После этих рассказов, Шаман понял, что зря пообещал чай завхозу, но правильно отказал блатным, хотя и был за это немного избит.

– Если бы они действительно хотели что-то серьезное сделать, – Ухмылялся Рак, – Ты бы сейчас тут не сидел, а валялся в больничке или на погосте. Эти рыси с тобой так, позабавились. На прочность проверяли. Сломаешься или нет.

Еще одной причиной такой дружбы являлось то, что Рыков оказался не лишен экстра-сенсорного таланта. Еще до его рассказов про то, как он заговаривал зубы и унимал кровь, Грибокоть определил, что этот простой с виду мужик, владелец весьма сильной энергетики.

Сумев в короткое время расположить того к себе, Михаил Львович надеялся, что они вдвоем смогут противостоять натиску блатных.

Те же пока никак себя не проявляли.

Михаила Львовича бригадир заставлял работать в полторы смены. И, хотя официально это было запрещено, начальник промзоны смотрел на это сквозь пальцы. Ему любой ценой нужен был план, а как этот план будет вырабатываться на устаревшем еще двадцать лет назад оборудовании, которое час работало а два чинилось, ему было безразлично.

Блатные же на промке появлялись лишь для того, чтобы почифрить с бригадирами, чтобы те получше закрыли наряды на работающих лишь формально, да накачать мышцы в двух «тренажерных залах». Естественно, им не было никакого дела до оборванного зека, в которого превратился Михаил Львович.

– Бригада, сегодня снимаются те, кто идет в ларь! – Объявил Шпала.

– Ну, Шаман. – Рыков похлопал по плечу Михаила Львовича. – Сегодня у нас праздник живота.

После смены, сменив рабочие обноски на обычный костюм, Грибоконь сидел в комнате ПВР и перелистывал свежие газеты.

– Эй, москаль. – Перед Михаилом Львовичем возник шестерка Репья.

– Чо, хохол? – Нагло ответил Шаман. Шестерка почти не отреагировал на дерзость:

– Ничего не забыл?

– На память не жалуюсь.

– Так, помнишь, кому чаек-бук в клювике притаранить должен?

– Помню. – Кивнул Грибоконь. Шестерка, поняв зека по-своему, удалился удовлетворенный.

Через полчаса завхоз приказал отряду строиться и, когда, прихватив с собой наволочки, все собрались, отряд тронулся в магазин. Михаил Львович ходил «в ларь» первый раз и, заняв очередь ближе к концу, наблюдал за отоваркой других зеков. Ассортимент товаров разнообразием не отличался: один сорт сигарет без фильтра, один – с фильтром, маргарин, повидло в литровых стеклянных банках, хлеб, соль, спички, карамель и вожделенный всеми чай.

Перед тем, как зеков запустили в магазин, Рак втолковывал Грибоконю:

– Из хавчика не бери ничего! Кишку тешить потом будешь, когда настоящие деньги пойдут. Покупай пару тюбиков гуталина, нитки, а на остальное – курево.

Очередь двигалась неспешно, и у Шамана было вдосталь времени наглядеться, как стоящие у окошка выдачи арестанты набивают наволочки продуктами и сигаретами. Наконец, подошла очередь и Михаила Львовича. Продавщица, женщина лет сорока пяти с круглыми щеками и бородавкой над левой бровью, без лишних слов положила перед ним пятидесятиграммовую пачку чая.

– Что еще? – Спросила она. Грибоконь давно не видевший женщин застыл, слушая не грубую речь зеков, а нормальный человеческий голос.

– Ну? – Продавщица начала проявлять нетерпение и Шаман, решив последовать совету Рака, промямлил:

– Два гуталина, а на остальное «Примы».

Получив почти сотню пачек, Михаил Львович запихал их в свою наволочку и вновь стал ждать. Зеков не выпускали, пока не отоварится последний опущенный.

Пока другие заключенные получали свои добавки к скудному казенному рациону, Грибоконь вдруг решил посмотреть энергетику этого места. Далось ему это с превеликим трудом: слишком сильно было давление чего-то черного, злобного и изначально деструктивного. Но, преодолев это давление, экстрасенс обнаружил еще одну черную паутину. Ее нити тянулись непосредственно к нему. Просмотрев откуда они берутся, Шаман увидел четырех

блатных. Те стояли и, казалось, не обращали на Михаила Львовича никакого внимания. Но тот сразу понял, что ему предстоит пережить еще одну экзекуцию.

Отряд пришел обратно в жилую секцию, Грибокоть, на виду всего отряда отнес свой чай в каптерку, покурил с Банзаем и Пиратом, а когда он вышел, его уже поджидали. Знакомый уже Шаману шестерка Репья подбоченясь перегораживал проход и обойти его не представлялось возможным.

– Ну, и где? – Ощерился шестерка.

– Где надо. – Михаил Львович поискал глазами Рака, но тот, как на зло, куда-то запропастился.

– Ну, пройдемся, что ли?

– Отчего ж не пройтись?

Шестерка провел Грибокотю в красную комнату. Там их уже дожидались четверо знакомых Шаману блатарей. Впихнув Михаила Львовича в комнату, шестерка припер дверь столом и разборка началась.

Ему задавали вопросы. Он отвечал на них и, по мере этих ответов видел, как заводят себя блатные, как они начинают яриться. Их глаза засверкали, кулаки сжались.

«Сейчас.» – Понял Шаман. Он, собрав в кулак все свое мужество, сперва дождался удара блатного, умудрился увернуться от него и, схватив стул, сам пошел на «черных». Он смог ударить лишь одного. Блатной, получив металлической ножкой в живот, рухнул на спину, сметая за собой стулья. Зато остальные времени не теряли. Пока Грибокоть пытался достать своим импровизированным оружием второго блатаря, двое оставшихся, оказавшись в тылу у Шамана, сами огрели его стульями по спине. От двойного удара Михаил Львович повалился на пол. Его тут же принялись избивать ногами. Как он не пытался отгородиться от ударов чудом оставшимся в руках стулом, это помогало мало. Нападавших эта защита не смущала и Грибокоть, после очередного удара по ребрам, услышал, как в боку что-то хрустнуло и он потерял сознание.

Глава 3

1.

После ужина, Игорь Сергеевич, не в силах больше сдерживать свое любопытство, сел медитировать. Витя, как всегда был рядом, и совершал астральное путешествие вместе с Дарофеевым. Сегодня объектом изучения должен был стать Михаил Кагарлицкий.

Привычно выйдя на тонкие уровни восприятия, целитель вместе с Витей перенеслись в свой Центр. Где находится кабинет Кагарлицкого Пономарь знал и поэтому сразу оказался в нужном месте. Но чтобы вычленив из работы Михаила нужный момент, пришлось немного попотеть.

Дарофеев стал просматривать события минувшей недели, которые произошли в этих стенах. На первый взгляд, ничего непонятного не случилось. Кагарлицкий размахивал руками, писал, впускал и выпроваживал пациентов, принимал подарки. Обычная работа народного целителя.

И лишь Витя заметил нечто необычное. Хотя Дарофеев и его воспитанник работали в унисон, что видел один, то воспринимал и другой, но парень чувствовал несколько тоньше, чем Игорь Сергеевич.

– Вот, смотри, дядя Игорь! – Вдруг воскликнул Витя.

Пономарь приостановил ход событий. Все было как прежде, лишь у Кагарлицкого самую малость изменился его обычный энергетический фон. Но стоило взглянуть на его ауру, отражающую физическое состояние, как становилось видно, что экстрасенс не в себе.

Эту ауру Игорь Сергеевич изучил со всей возможной тщательностью. У него создалось впечатление, что у Михаила внезапно открылся какой-то дремавший ранее канал связи с высшими пластами мироздания и он, будучи не в силах обработать поступающие к нему энергии, просто отключился. Но при этом экстрасенс оставался стоять на ногах и, даже, продолжать процесс лечения. А лечения ли?

– Постой! Нет, ты посмотри, что он творит! – Возмущенно воскликнул Пономарь.

– Ну, каналы перекрывает. – Витя не мог понять, в чем криминал таких манипуляций.

– Какие каналы, ты посмотри!

Парень пригляделся. Действительно, вместо того, чтобы прочистить засорившийся энергетический меридиан, Кагарлицкий просто уничтожал его. Энергия в человеческом теле могла циркулировать многими путями, но когда производилась такая биоэнергетическая операция, пациент мог забыть о здоровье.

– Да... – Протянул Витя, сообразив, какие будут последствия. – У этого мужика теперь все время будет болеть голова!

– Мало того, – Целитель вздохнул, – Он теперь не сможет просто сконцентрироваться!

– Что, исправим? – Предложил Витя.

– Подожди пока. – Пономарь решил не торопиться, – давай глянем, кто это такой. И пока же непонятно, зачем все это делалось.

Мужчина-пациент оказался референтом директора средних размеров холдинга. Бывшим референтом.

Когда Дарофеев и Витя посмотрели ситуации, в которые попал этот мужчина благодаря «целительству» Кагарлицкого, они пришли в ужас.

На этом человеке была подготовка доклада о финансовом положении одного из партнеров холдинга. Но, не имея возможности избавиться от головной боли, тот не обратил вни-

мания на некоторые документы, говорящие, что эта фирма на грани краха. И вместо того, чтобы помочь и профинансировать, совет директоров, напротив, отозвал часть денег. Результат последовал немедленно. Фирма просто развалилась. Исполнительный директор моментально сбежал с остатками наличных, сотрудники остались безработными, РУБЭП принялся изучать документацию.

– И все это из-за пяти секунд? – Ужаснулся Витя.

– Да. – Пономарь поджал губы. – Вот бы понять, кому и для чего это надо...

2.

Утром Дарофеев должен был вести прием на своей квартире на Филях. Позавтракав и сев в свой Форд, Игорь Сергеевич уже готов был тронуться с места, как внезапно он почувствовал, что его телепатически вызывают.

– Изотов. – Сразу сказал Витя, примостившийся на заднем сидении. – У него что-то случилось.

Сам Сергей Владимирович телепатической связью владел не очень хорошо, но смог сообщить, что должен срочно приехать. Пономарь в ответ послал картинку дома на Кутузовском. Майор понял и прервал контакт.

У квартиры, как всегда, уже стояло несколько ранних пациентов, Дарофеев поздоровался с ними, автоматически отметив у кого на что надо обратить внимание, и прошел в квартиру. Больные вереницей потянулись за целителем, разбираясь по ходу, кто за кем в очереди.

Пока Игорь Сергеевич и Витя переодевались, готовясь к приему, прибежал Изотов. Его появление предварила перебранка защитников покоя Дарофеева в лице бдительных пациентов и целителю пришлось самому высунуться из двери и попросить пациентов не волноваться. Сергей Владимирович, запыхавшись, влетел в комнату, и, с ходу заявил:

– У меня беда!

– Сергей, успокойся и по порядку. – Предложил Пономарь.

Изотов кивнул, осмотрелся, присел на стул для пациентов и, глубоко вздохнув, начал:

– У меня появились провалы в памяти.

Игорь Сергеевич и Витя одновременно подумали: «Космэтика.» Витя не скрывал эту мысль, майор уловил ее и вслух ответил:

– Она. Я стал посвященным в этом обществе.

– Секте. – Поправил целитель.

Сергей Владимирович махнул рукой:

– Без разницы. Я уже несколько месяцев их разрабатываю. Есть очень серьезные подозрения, что члены этой Космэтики причастны и к террористическим актам, и к торговле наркотиками и оружием, да, еще много к чему. Мне удалось к ним попасть. Сначала все было ничего. Лекции, занятия, никаких тайн, обычное промывание мозгов на уровне «все что хочешь – то получишь». А неделю назад на одну из лекция заявила какая-то шишка из крупных. Этот деятель оказался энергетиком средней руки, но и этого хватило, чтобы он моментально меня вычислил. Тут же меня взяли в оборот. Я-то сначала радовался, выйду на их верхушку – сразу все прояснится. А не прояснилось. Наоборот, запуталось.

Фээсбэшник плеснул себе в стакан святой воды, которой Дарофеев иногда окроплял пациентов, залпом выпил и продолжил:

– Этот хмырь, Ладушкин, на самом деле обо всех этих преступлениях ни сном, ни духом. Ему нужна только власть. А он ее и так имеет.

Я сказал, что они сделали для меня ритуал посвящения? Нет? Так вот, посвятили, блин...

После этого все и началось. Вдруг сваливается на меня что-то. Ну, иначе, чем благодарить это и не назвать.

– И ты на несколько минут теряешь над собой контроль? – Сочувственно спросил Игорь Сергеевич.

– Да! – Чуть не выкрикнул майор.

– Знаешь, я пока ничем тебе помочь не могу. – Проговорил целитель.

– Как?! – Возмутился Сергей Владимирович. – Ты даже не взглянешь, что происходит?

– Мы с Витей только вчера смотрели такой случай. – Сообщил Пономарь. – Пока ясности никакой. Видно, что что-то происходит, но я пока не понимаю, что конкретно.

– И тоже человек, связанный с Космэтикой?

– Да.

– Это что же? У всех такое?

– Тоже не могу сказать. Слишком мало материала.

– Ладно. – Изотов покрутил в пальцах пустой стакан. – Будем на связи.

– Если что-то удастся выяснить – ты будешь первым, кто об этом узнает. – Пообещал Дарофеев.

– И на том спасибо. – Буркнул фээсбэшник. – Ладно, не буду тебе больше мешать...

Сергей Владимирович резко встал и, не забыв в дверях махнуть рукой на прощание, вышел.

3.

Неприятности обрушились на Корня с самого раннего утра.

Едва Николай Андреевич позавтракал, как ему позвонили, и заикающийся голос директора-распорядителя полуподпольного водочного завода, сообщил, что предприятия больше не существует. Сгорело.

Детали удалось выяснить лишь через полчаса. Оказалось, что ночью водитель МАЗа, приехавший с грузом спирта, то ли так укушался халявной водки, то ли с самого начала был очень «хороший», не смог развернуться на широком дворе заводика. Он въехал прицепом в электрораспределительный щит, прицеп перевернулся, спирт разлился и загорелся. Пламя сразу погасить не удалось и все тридцать бочек со спиртом взорвались.

В общем, через два часа от производства не осталось ничего.

Следующая беда оказалась куда более дорогостоящей. Исчезло полторы тысячи карат неограниченных алмазов. Вез их из республики Саха курьер. Курьера и пасли, и охраняли круглосуточно. В общей сложности, в этой операции было задействовано около двадцати человек. И никто из них не смог дать внятного объяснения, куда мог подеваться полотняный мешочек из запертого купе, в котором постоянно торчали четыре человека, а поезд не останавливался ни на секунду.

Впрочем, допрос с пристрастием дал совершенно невероятную картину. Один из охранников курьера оказался лунатиком. Он-то и выкрал алмазы и высыпал их в окно мчащегося поезда. Сам парень такого не помнил, но один из пассажиров злополучного вагона видел как тот горстями выбрасывал в приоткрытое окно что-то блестящее, и это «что-то» он зачерпывал из того самого мешочка.

Естественно, что остальные боевики отыгрались на лунатике и в Москву он приехал без зубов и с переломами нескольких ребер. Но, что самое удивительное, он все время кричал, что за него отомстят. А на прямой вопрос «кто?», следовал не менее прямой ответ – другие лунатики. Это пахло если не сумасшествием, то какой-то иррациональностью.

Третий удар настиг Репнева ровно в полдень. К этому времени рассчитанная Драйвером операция по захвату груза оружия должна была уже завершиться. Но Николаю Андре-

евичу так никто и не позвонил, чтобы доложить о результатах. Чувствуя, что произошло что-то непредвиденное, мафиози послал на место операции группу разведки. Те, позвонили прямо из порта. Все люди Корня исчезли и лишь кровь на тех местах, где они должны были находиться, говорила о том, что всех боевиков убили, а их трупы увезли.

Это ставило под удар само существование Корня, как криминального авторитета. Ведь Палтус, которого Корень, говоря обычным языком, хотел ограбить, найдя ну трупам ту мелочевку, которую ему собирались подбросить от имени Пятака, сразу сообразит, в чем дело. Реагировать на такой провал следовало немедленно. И единственной возможной реакцией было нанести упреждающий удар.

У Драйвера, насколько его знал Корень, в его компьютерах хранились любые варианты операций. В том числе и планы прямой ликвидации воротил теневого бизнеса. Сейчас, решил Репнев, пришла пора задействовать разработку по самому Палтусу.

Николай Андреевич решительно набрал номер компьютерщика.

– Драйвер! – Мафиози все еще не был до конца уверен в правильности своего решения. Но мысль о том, что люди Палтуса обязательно опознают с видеовидео в засаде его людей, заставила Корня произнести приказ:

– Рандеву с Палтусом в точке «Б». Немедленно.

Драйвер сам выдумал этот немудреный код, который понравился Николаю Андреевичу именно своей простотой. Точка «Б» означала свидание с Творцом.

– Ставлю на выполнение. – Отрапортовал компьютерщик. – И, шеф, тут такое дело...

– Еще что-то?.. – Репнев был уже на взводе. Если бы Драйвер вдруг сказал, что самого Корня через пять минут убьют, мафиози бы не удивился, но гнев заставил бы его натворить кучу таких непродуманных поступков о которых он задним числом стал бы серьезно сожалеть.

– Ничего не случилось. – Пришибленно проговорил Драйвер. – Но я должен кое-что вам срочно показать.

– Еду. – Пробурчал Корень и приказал вызвать водителя к подъезду.

4.

Николай Андреевич тупо пялился на график-гистограмму, которую ему под огромным секретом показывал Драйвер на мерцающем экране компьютерного монитора. Единственное, что мог понять Корень, так это то, что понатыканные на плоскости бруски, выражавшие успешность его операций, постоянно уменьшались.

– Вот, несмотря на круглосуточную работу... – Уже третий раз начал объяснять компьютерщик.

– Что творится, я и сам вижу. – Грубо прервал того Николай Андреевич. – Ты мне скажи, почему, и по какой причине возникло это душераздирающее зрелище?

– Компьютеры...

– Меня не волнуют твои железяки! – Взорвался Репнев и, выплескивая негатив, со всего размаху саданул ладонью по столу. От удара компьютер подпрыгнул, его экран мигнул, а Корень, ощутив боль в отшибленной ладони, немного отрезвел. – Меня интересует, – продолжил мафиози уже тише, – что об этом думаешь ты сам.

– Новая мощная сила. – Делая ударение на каждом слове, четко выговорил Драйвер.

– И что?

– Так я же не могу ее учесть! – Воскликнул компьютерщик.

– Но ты же о ней знаешь?

– Да! Но только о наличии. Никаких параметров. Никаких ее целей. Она выскочила как *deus ex machine*.

– Кто?

– Бог из машины. В древнегреческом театре...

– Неважно, продолжай!

– Ее появлению тоже ничего не предшествовало. Во всяком случае, я отслеживаю почти всю динамику процессов в обществе, и никаких предпосылок. Причем, что самое интересное, она чисто деструктивна.

– Поясни на счет «чисто».

Драйвер помедлил мгновение, подбирая слова:

– Ну, наша организация, несмотря на то, что мы занимаемся нелегальщиной, но это бизнес. Идет товарооборот, деньги, ценности, что-то оседает и у нас. Это нормально. Мы не паразитируем на обществе, мы создаем продукт. Пусть он даже не в ладах с законами этого самого общества. Эта же сила – чистый паразит. Ее проводники не накапливают, а только разрушают.

– Та-ак... – Николай Андреевич теперь задумался сам.

– Но самого важного я еще не сказал! Эта сила так действует не только на нас! Поле ее деятельности – вся страна и все структуры!

– Это результаты анализа или домыслы?

– Я могу предоставить все выкладки, расчеты и выводы. – Уверенно сказал компьютерщик.

– Экстраполировал?

– Два года – и России нет. Может, даже, быстрее.

– А за бугром что?

Драйвер позволил себе усмехнуться:

– Еще полсотни спецов, два месяца и тридцать миллионов баксов – и вы будете единственным, кто знает, что творится в любой точке Земного шара, и что из этого будет вытекать.

– Считал?

– Прикидывал. – Признался парень.

– Ладно. – Серьезно молвил Корень. – Это пока подождет. Что тебе надо для выяснения, что это за сила такая и кто за ней стоит?

– Ничего необычного. Все то же самое: люди, время и деньги.

– Первое и последнее не проблема. Сам возьмешь кого, чего и сколько надо. Когда результат?

И тут Драйвер впервые за все время своей работы на Репнева, пожал плечами:

– Не знаю...

Глава 4

1.

Сегодня к Дарофееву пришла целая толпа новых пациентов. С каждым из них надо было разбираться по отдельности, выслушивать жалобы, объяснять, что к чему, и лишь после этого – лечить.

Но, странное дело, практически все новенькие жаловались на сглаз. Чаще всего под этим подразумевалось просто неважное самочувствие или полоса фатальных неудач. Настоящие сглазы в практике Игоря Сергеевича встречались относительно редко.

Нынешний наплыв больных был вызван как раз роковой невезучестью. Настоящих сглазов Пономарь не обнаружил, но, выслушав двадцать раз вариации одной и той же истории, устал смертельно.

Помочь таким людям, можно было лишь проведя глубокий ясновидческий и психологический анализ причин ситуации, в которую они сами себя загнали. Другим вариантом было психологическое плацебо. Этот метод был откровенно шарлатанским, целитель просто махал руками, легонько исправлял все, что мог заметить и, после окончания сеанса говорил: «Я снял с вас энергетического вампира, который перехватывал удачу. Сейчас она к вам вернется». Но, после доброй дюжины сеансов проникновения в подоплеку ситуации и, не обнаружив там ничего необычного, кроме обычных нелепых случайностей, не вытекающих из кармического состояния пациента, Игорь Сергеевич махнул рукой и стал откровенно шарлатанствовать.

На недоуменный посыл Вити, целитель в нескольких образах объяснил тому, в чем суть дела, и паренек внешне успокоился.

– Сейчас Корень позвонит. – Сказал вдруг Витя в самый разгар очередного сеанса, на сей раз настоящего, целительства.

– Скажи ему через десять минут.

На пару мгновений все стихло, лишь потрескивали свечи, да шумно дышал пациент. Потом парень сообщил Дарофееву:

– Он хочет сейчас заехать.

– Сколько у нас народа?

– Еще двое.

– Хорошо. А что ему надо?

– У него полоса неудач. – И Пономарь, стоя к Вите спиной, явственно увидел, как тот озорно улыбается.

2.

Николай Андреевич сидел мрачный и задумчиво теребил бахрому, свисающую с ручки кресла. Он уже пересказал Пономарю все выводы Драйвера и теперь слушал новости самого Дарофеева.

– Что это за новая сила, я догадываюсь, но пока полной уверенности у меня в этом нет. Называется она «Космэтика». – Целитель произнес слово так, чтобы Репнев расслышал «Э» в середине названия. – Это свежая тоталитарная секта, тайное общество из тех, в которые вход – рубль, а выход – три.

– Здорово! – Буркнул Корень. – И чего теперь?

– Мне кажется, что это не просто секта или, там, масонская ложа. Сама организация – ширма, «крыша», для чего-то такого... Я даже не знаю, как это назвать. И что с ней делать – об этом надо еще серьезно подумать. В последние дни я только и сталкиваюсь с... Ну, с последствиями ее появления.

Наперекосяк все не только у тебя. Вообще у всех. Какие-то случайности, мелочи, но из них почему-то все время вырастает что-то жуткое и неприятное.

Мафиози подавленно молчал. В разговоре с Пономарем он поведал лишь о своих напастьях, а о том, что так же плохо идут дела и у его конкурентов, Репнев умолчал. И слушая новое подтверждение выводам Драйвера, депутат-мафиози начал заметно нервничать.

В этот момент Игорь Сергеевич краем глаза заметил, что Витя вышел из комнаты. Не став акцентировать на этом внимание, экстрасенс продолжил:

– Наш с тобой знакомец, Изотов, сейчас что-то там роет. Он вступил в Космэтику, зря, по-моему, но зато у нас теперь есть источник надежной информации. Он-то и рассказал, что сектанты замешаны и в терроризме, и в торговле оружием...

Корень невольно скривился.

– ...и в распространении наркомании...

– Бедный Рыбак. – Словно про себя пробормотал Репнев.

– В общем, букетик еще тот.

– Но почему тогда среди криминалитета о ней ничего не известно?

– А, может и известно. Общество же тайное. И те, кто входят, обязаны затащить в него любого, кому проговорятся. Вдруг часть наших с тобой противников уже космэтисты? Или среди твоих людей уже есть сектанты?

– Может быть... – Поджал губы Николай Андреевич. – Что ж, спасибо, как говорится, за информацию. Пойду думать...

Корень резко встал. Поднялся и Игорь Сергеевич:

– Скажешь, что надумаешь?

– Скажу. – Пообещал Репнев.

Дарофеев проводил авторитета до двери. Корень едва дождался лифта, поспешно сел в машину и, пока его водитель выруливал из двора, уже говорил с Драйвером.

3.

Полагая, что разговор Корня и Игоря Сергеевича может затянуться где-то на полчаса, Витя Матюшин встал, и вышел из комнаты, где целитель вел обычно прием. Парень мог, конечно, одеться в блок невидимости, и, таким образом, просто исчезнуть из восприятия беседующих, но такая демонстрация своих возможностей показалась ему в данный момент лишней. Да и Дарофеев мог ощутить энергетическую работу и встревожиться. И помешать.

А Витя хотел сейчас сходить на разведку. Предупреждения об опасности, которыми его страдал Пономарь, бывший ГУЛ просто проигнорировал. Он, в отличие от своего друга и наставника всю сознательную жизнь провел в тонких мирах и, как ему казалось, был знаком со всеми опасностями, которые могут там встретиться.

Сейчас Витю очень интересовало посвящение Сергея Владимировича о котором тот рассказывал сегодня утром. Привычно выйдя из своего тела, парень отправился в прошлое. Проследив траекторию передвижений Изотова в пространстве, Витя без труда вышел на место посвящения. Настроившись на восприятие событий в ускоренном режиме, он скользнул еще на несколько часов в прошлое.

Перед пареньком прошли все этапы подготовки. Впрочем, ничего особенного он не заметил. Все участники, хотя и являлись разного уровня биоэнергетиками, никак это не про-

являли. Люди бродили, беседовали, откровенно маялись ожиданием. Наконец, появились машины. Но никого из знакомых в них не оказалось.

Витя просмотрел посвящение незнакомого мужчины. Того, как и Изотова перебрасывали через костер, давали выпить водки с собственной кровью. Но никакой энергетикой, которой было с избытком во время ритуала посвящения Дарофеева, здесь и не пахло. Витя сразу понял, что церемония проходит в очень энергонасыщенном месте, но кроме естественного земного излучения здесь никто не работал.

После ритуала часть космэтистов и свежепосвященный собрались и уехали. Остальные снова принялись ждать следующего клиента.

Так и не поняв, в чем суть ритуала, Витя решил как следует разглядеть посвященного до и после церемонии. Может, тогда он сможет понять, в чем суть этого действия.

Сканирование посвящаемого парень проделал за считанные секунды. Мужчина оказался весьма талантливым экстрасенсом, но практически не пользовался своими способностями. Раньше из такого Витя бы сделал своего помощника, сделав индивидуальную программу, которая вытащила бы наружу спящие силы. Но сейчас перед ним стояла другая задача.

Вторая считка параметров мужчины, уже после посвящения, не дала практически ничего нового. Адепт испытал сильный стресс, изрядно возбудился, но, кроме этих, физиологических и психологических изменений, других отличий между его состояниями не было.

– Может, я не туда смотрю? – Спросил себя Витя. – Если на витальном и астральном уровнях все нормально, значит, что-то могло произойти в ментале?

Как Витя и предполагал, там бушевал ураган. Судя по обрывкам мыслей, которые парень невольно ловил, мужчина гордился оказанным ему доверием и обещал себе его оправдать. Однако, и мыслительный процесс изменений не претерпел.

Парень пошел в следующий слой. Эти вибрации, испускаемые человеком, назывались каузальным телом и были самым грубоматериальным из всех тонких уровней, воплощением судьбы. И именно здесь Витю ждало неприятное открытие. Карма этого мужчины оказалась весьма грубо изменена.

Бывший ГУП и представить себе не мог, что такое вообще возможно. Нет, он и сам вмешивался в судьбы, изменял их по своей воле, но способ для этого был совершенно другой. Витя не мог, не умел, вмешиваться непосредственно на причинно-следственном уровне. Он что-то делал, а это, уже потом, спустя какое-то время, находило отражение в каузальном плане.

И, едва поняв, что такое же действие его неведомый противник может провести и с ним самим, Витя стал объектом самой странной атаки, которую ему до сих пор довелось пережить. В глазах внезапно посветлело. Парень почувствовал, что на него снисходят волны блаженства. Они захлестывали его сознание, но, вовремя сориентировавшись, паренек начал бороться с чужой волей и энергией.

Моментально заменив обычный блок невидимости для тонкого тела на «черную дыру», он получил временную передышку. Он попытался определить, кто и откуда насылает на него этот поток силы, но источника не было. Казалось, что сам воздух, внезапно изменившись, пытается залить Витю лавой неземного наслаждения.

Теперь паренек на своей шкуре испытывал то, о чем лишь слышал доселе в рассказах последователей «Космэтики». И, уже зная, что это чревато непредсказуемыми последствиями, пытался уйти, спрятаться от всепроникающей мощи этой страшной силы.

Но «черная дыра» помогла лишь временно. Некто поразительно быстро раскусил принцип ее действия, и вдруг чужая энергия возникла и внутри защитной оболочки.

Вите ничего не оставалось делать, как метнуться обратно в тело. Но шквал благодати последовал за ним.

– Дядя Игорь! Помоги! – только и успел телепатически крикнуть парень, как энергия подмяла его сознание, и он перестал воспринимать окружающее.

4.

На работу Сергей Владимирович ехал в странном раздражении. Он пытался проанализировать свои чувства. Да, Пономарь не отказал в помощи, напротив, пообещал поделиться всем, что узнает. Да, неразумно было рассчитывать, что Дарофеев в мгновение ока разберется в ситуации и сможет предложить варианты выхода из нее. Все то время, что Изотов знал Игоря Сергеевича, тот отличался некоторой медлительностью. Дарофеев долго запрягал, но ездил быстро. И, памятуя об этой особенности целителя, майор все равно подспудно надеялся, что тот уже знает ответы на все вопросы. Но не случилось, и фээсбэшник понял, что несмотря на все доводы рассудка почему-то вдруг затаил на Игоря Сергеевича бешеную злобу. Сразу пришло понимание, что это иррациональное чувство напрямую связано и с его посвящением, и самой космэтикой, но поделаться с собой Сергей Владимирович ничего не мог. С каждым мгновением он ненавидел Пономаря все сильнее...

Поднявшись в свой кабинет, Изотов несколько минут тупо рассматривал папки с делами, требовавшими срочной, если не немедленной работы. Но бушевавшая в нем ненависть не давала даже сосредоточиться, чтобы взяться за бумаги. Майор прошелся по кабинету, посмотрел в окно на площадь, и, решительно повернувшись, вышел прочь, не забыв запереть за собой дверь.

В коридорах Убойного отдела было тихо. Фээсбэшник ткнул в одну дверь, другую. Никого из друзей-сослуживцев не было.

Вдруг Сергей Владимирович услышал приближающиеся шаги и голоса. Из-за поворота вышли двое «террористов», сторудников отдела по борьбе с терроризмом. Они негромко беседовали, но Изотов уловил ключевые слова: «Киднепинг, террористы, двоих убили».

– Эй, мужики, вы куда? – Остановил майор своих коллег.

– Заложников освобождать.

Один из фээсбэшников, майор Уксусов, с подозрительным прищуром уставился на Сергея Владимировича. Зато второй, тот, что ответил, подмигнул и добавил:

– А тебе что, заняться нечем?

Изотов помнил, что этого зовут Виктором, но фамилию забыл напрочь.

– А, – скривился Изотов, – от бумаги уже в глазах рябит. Развеемся хочется.

– Ну, айда с нами! – Предложил Виктор, не обращая внимания на шепот Уксусова. – Проветришься на кладбище...

Оказалось, что несколько неизвестных захватили автобус с ребяташками, которым школа устроила экскурсию на Ваганьковское кладбище. Учительницу и попытавшегося вмешаться охранника они застрелили, и теперь забаррикадировались в автобусе. Никаких требований пока не предъявляли. Штурмовики спецназа уже в пути, а пока надо скоординировать их действия и попытаться выяснить кто конкретно террористы, кого представляют и можно ли с ними договориться.

Всю дорогу до кладбища, Сергей Владимирович пытался справиться со своей ненавистью к Пономарю. Он проделал множество успокаивающих упражнений, попытался поработать со своей анахатой, ничего не помогало. И лишь под конец майор вспомнил про состояние «безмолвие сознания». Едва Изотов полностью освободил свою голову от мыслей, исчезла и подавлявшая его негативная эмоция. В таком состоянии, теоретически, человек мог находиться годами, адекватно реагировать на происходящее, но, фээсбэшник, знал это, рано или поздно он просто «вывалится» из своего «безмолвия» и тогда все может вернуться

к исходному состоянию. Значит, до того надо устранить причину ненависти. А, поскольку Сергей Владимирович чувствовал, что причина эта – «Космэтика», то, принял он спонтанное решение, надо из нее выйти.

Пока в безмолвном сознании майора происходил процесс принятия решения, его тело действовало словно самостоятельно. Он разговаривал с коллегами, рассматривал план местности, предлагал варианты штурма автобуса. К этому моменту уже было известно, что террористов трое и что они, предположительно, уроженцы Чечни.

Подобраться к автобусу незамеченными казалось практически невозможным. Единственный незаметный путь пролегал через канализацию или водосток. Но в непосредственной близости от захваченного автобуса ни решеток водосбора, ни канализационных колодцев не было. Оставалось одно: прямой штурм или попытаться уговорить террористов подъехать куда-то, где атаку можно провести без жертв со стороны детей и спецназовцев.

И тут тело Изотова выкинуло фортель. В состоянии глубокой задумчивости он покинул штаб, где прогонялись варианты нейтрализации преступников, и пошел к автобусу. Занятый исключительно собой, майор прошелся по кладбищу, автоматически надел на себя блок невидимости, миновал милицкий кордон, зашел в автобус, как-то походя обезоружил одного бандита, второго. Третьего пришлось усыпить мощным волевым импульсом. Заломив террористам руки за спину, майор, на глазах восхищенных детей, вышел на улицу. Его тут же окружили штурмовики, которым он и сдал с рук на руки бандитов и их оружие.

И лишь после этого подвига, Сергей Владимирович понял, что натворил. За такое вмешательство в работу соседнего отдела его не похвалят, хотя он и спас людей, и захватил террористов. Такой штурм в одиночку вполне могут воспринять как безрассудство и тогда...

Что было бы тогда, майор подумать не успел. Подумать? Изотов все-таки разрушил свое безмолвие сознания. Его мозг буквально прорвало на мысли, и в это мгновение случилось ужасное.

Дети уже давно выбежали из автобуса, двое бандитов сидели в наручниках у стены кладбища под прицелом целой роты автоматчиков. И тут из автобуса появился третий террорист. Тот, которого Сергей Владимирович усыпил. Он успел выстрелить два раза. Обе пули нашли свои жертвы. Ими оказались захваченные бандиты.

И в следующую секунду на Изотова обрушилась благодать.

Сколько времени он находился в прострации, он не знал, но пришел в себя он там же, где стоял раньше, а в руке у него был пистолет, от которого исходил запах только что сгоревшего пороха. Террорист лежал мертвый на автобусных ступеньках, а с другой стороны улицы внезапно раздался громкий визг и истошный вопль:

– Коля!!!

5.

Очнувшись, Михаил Львович не сразу сообразил, куда он попал.

Перед его глазами были светлые желто-коричневые стены, умывальник, крашеная белой краской дверь, сквозь стекло которой виден был коридор. Сам Грибоконь лежал до подбородка накрытый одеялом.

Он попытался привстать, но левую руку и бок вдруг пронзила острая боль, и Михаил Львович невольно ойкнул. Теперь боль проснулась во всем теле. Заболела голова, оказалось, что ему трудно моргать, глаз, судя по всему сильно заплыл, даже небольшое движение челюстью причиняло страдания. А язык, обследовав зубы, выяснил, что они все на месте, но передние сильно шатаются.

Пальцы на левой руке шевелились, но поднять ее Грибокось не смог. Он, с трудом приподняв одеяло, удивленно уставился на то, во что превратилась его конечность: гипсовый кокон оказался намертво прихвачен к обвязанному несколькими гипсовыми бинтами торсу.

– Кто ж тебя так?

Грибокось вздрогнул и покосился на голос. На соседней койке лежал старик. Этот зек походил на узника Освенцима, как их показывали в документальной хронике: обтянутый желтой кожей череп, кисти рук, высовывающиеся из рукавов белой хлопчатобумажной пижамы, казалось, состояли лишь из костей и ногтей.

– Блатные. – С трудом разлепив губы прошамкал Михаил Львович.

– Да, эти подонки и не на такое способны. – Совершенно равнодушно проговорил старик. И, не меняя интонации, резко изменил тему:

– А у меня, вот, позвоночник сломан. Навернулся со второго этажа. Я-то, понимаешь, стекольщик...

Отключившись от речей старика, Шаман прислушался к себе, заставив работать экстрасенсорные каналы восприятия. Через минуту он уже знал, что у него сломаны три ребра, предплечье, несколько опущена левая почка, средней тяжести ушиб печени, и уйма синяков по всему телу.

– Так, кто тут у нас? – В палату буквально влетел сухопарый низенький мужичек в распахнутом белом халате на военную рубашку. – Все те же и пополнение. Фамилия?

– Осужденный Грибокось. – Ответил Михаил Львович.

– Отлично, отлично. Да, ты же поступил вчера вечером. Как же я это забыл? И откуда у тебя такая фамилия? – Врач был неестественно оживлен, его пальцы постоянно находились в движении, то находя очередную игрушку для себя, то перескакивая на новый объект для выкручивания. Шаман моментально опознал в докторе хронического наркомана.

– Давайте про этимологию в следующий раз. Говорить больно.

– О! Образованный человек! Вдвойне неприятно видеть такого в этих скорбных стенах. Да, зовут меня Поскребышев Михаил Яковлевич. Чихарку глушишь? Месячишко поваляешься – и на работку, да?

Врач перескакивал с одной темы на другую, и, казалось, совсем не был расположен вслушиваться в чьи-то ответы.

– Хорошо, хорошо. Ну, поправляйтесь тут... – И Поскребышев удалился с той же стремительностью.

– И так каждый день. – Начал бормотать сосед Михаила Львовича. – Залетит, нагородит с три короба и упорхнет. Хорошо, хоть санитары у него толковые. Из зеков, но врачами по воле были. А тут за стенкой с тубиком ⁷ четверо...

Грибокось вновь перестал слушать старика. Он скинул с себя одеяло, кряхтя и постоянно забывая, что стискивать зубы ему теперь еще больнее, чем шевелиться, спустил ноги с кровати. Встал, придерживаясь за спинку койки. В несколько семенящих шажков преодолел расстояние до умывальника и жадно присосался к крану.

Вскоре санитар принес завтрак. И снова Михаила Львовича ждало открытие: санитар оказался биоэнергетиком. Разглядывая ауру этого человека, Шаман не сразу понял, что тот, занимается тем же самым. Спустя мгновение парень подмигнул:

– Куришь?

– Ага.

– Ходить можешь?

– С трудом.

– Ну, забредай ко мне в санитарскую. Спирта не обещаю, но кофеинчиком побалуемся.

⁷ Тубик – Туберкулез.

Старик, поставив тарелку с кашей себе на грудь, принялся медленно отправлять в рот ложку за ложкой. Грибокоть последовал его примеру. Челюсти отказывались жевать что-то твердое, и поэтому Михаил Львович выел из тюхи белого хлеба лишь мякиш. После трапезы захотелось курить.

Взгрозившись на зудящие ноги, Шаман вышел из палаты, прошелся по коридору, разыскивая санитарскую. Та оказалась в самом начале, у запертой изнутри на щеколду двери. Вскоре Грибокоть уже прихлебывал обжигающую заварку и с наслаждением затягивался обычной «Астрой».

За то время, что Михаил Яковлевич провел в зековской больнице, он крепко сдружился с этим санитаром, Димой Чистопольским по кличке Харя. Он попал в тюрьму за воровство, но срок ему дали небольшой, а среднее медицинское образование позволило занять «козльную» должность медбрата при Поскребышеве. От Чистопольского Шаман и узнал о новой для него форме жизни зеков – о первом отряде, отряде хозобслуги. Там, как и везде, постоянно плелись интриги, но в нем зеки откровенно стремились подсидеть друг друга, напропалую, не стесняясь, стучали куму.

От Хари же Грибокоть узнал, что вскоре освобождается престижнейшее место нарядчика зоны и что начальник оперчасти подыскивает на него человека с высшим образованием. А институт Михаил Львович закончил...

– Я, как ты сюда попал, сразу твое дело просмотрел, – Признался однажды Дима. – Вижу – человек образованный. Ну, и, думаю, с чем черт не шутит? Может, попытаться подъехать к куму с твоей кандидатурой на нарядчика? Здесь-то с верхним образованием раз-два и обчелся...

И лишь потом Грибокоть понял, что Чистопольский просто подслушал разговор Поскребышева с Игнатом Федоровичем Лакшиным, начальником оперчасти, в котором и обсуждалась кандидатура будущего нарядчика. Но сейчас Харя как мог завоевывал расположение Михаила Львовича, вел с ним длинные беседы на экстрасенсорные темы, поил чаем и угощал табаком.

Глава 5

1.

Игорь Сергеевич метнулся на зов.

С первого же мгновения, услышав телепатический крик Вити, Дарофеев начал действовать. Первым делом целитель окружил себя и парня многомерной черной дырой и лишь потом, на бегу, начал разбираться, что же случилось.

Тонкому зрению Пономаря открылась поразительная картина: Витя буквально плавал в сферическом облаке светящейся энергии. И «черная дыра» была здесь бессильна. Кто-то, с непостижимой для Игоря Сергеевича легкостью, проникал даже через пространства высших измерений.

Не зная, что предпринять в такой критической ситуации, Дарофеев попытался просто вытеснить сферу чужой энергии за пределы витиных энергетических оболочек. Создав непроницаемую пластину, целитель попытался надавить ей на светящийся шар. Но тот поддался лишь на мгновение и снова занял прежнее место.

В панике, Игорь Сергеевич тогда просто взял Витю за руку. Тот автоматически шагнул, и Дарофеев вдруг понял, что энергия, окружающая паренька, словно привязана к пространству, в котором тот находится. Шар долю секунды стоял на месте, а потом скачком переместился, вновь накрыв Витю, который уже начал открывать глаза.

В следующее мгновение целитель увидел, что паренек работает энергетически: между его пальцами начала вырисовываться паутина биоэнергетической программы. Не найдя ничего лучшего, Пономарь дернул Витю на себя и, пока тот был вне сверкающего шара, телепортировал себя и его в лес за городом.

Мгновенная смена обстановки подействовала благоприятно. Сфера осталась на квартире на Кутузовском, а Витя, посмотрев на недовязанную программу, невольно поежился, распылил паутинообразную конструкцию и присел на оказавшееся неподалеку поваленное дерево. Игорь Сергеевич опустился рядом:

– Что это было?

– Скачущая программа самоубийства. – Для наглядности Витя продемонстрировал картинку, как так и не созданная им программа перебирается с тела самоубийцы на того, кто первым приблизится к труп.

Пономарь невольно поежился, представив, какие последствия были бы, не вытащи он паренька из «шара блаженства».

– Что удалось узнать?

Понимая, что ругаться и выговаривать бывшему ГУЛу за его самоуправство бессмысленно: наверняка Витя соблюдал все возможные меры предосторожности, целитель спокойно задал этот вопрос, понимая, что именно такой слегка суховатый, деловой тон даст пареньку отвлечься от ужаса, который он несомненно испытал.

– Почти ничего. – Юный Матюшин пожал плечами. – Есть некто, кто может напрямую изменять каузальное тело человека.

– Но это же из разряда запрещенных вмешательств! – Воскликнул Пономарь.

– Его это не останавливает.

– Но как такое вообще возможно? – Продолжал недоумевать целитель. Но мысль его уже начала работу. Если кто-то на такое способен, значит, существуют-таки методы непосредственного влияния на карму. А то, что сделал один, может повторить другой.

– Надо подумать. – Отозвался паренек. – Я-то раньше никогда не работал с такими тонкими энергиями. Тут нужна потрясающая точность...

– И мастерство. – Добавил Игорь Сергеевич.

Они немного помолчали, думая каждый о своем.

– Дядя Игорь, а что меня ударило, ты успел разобраться? – Спросил вдруг Витя.

– Еще и не начинал. – Признался Пономарь. – А чтобы хотя бы подступиться к этому, надо что-то изменить в защите. «Черные дыры» эта штука проходит на раз.

– А «жалюзи»?

Состояние «жалюзи» Дарофеев открыл достаточно недавно, но еще до встречи с Витей в плотных телах. Этот биоэнергетический режим делал целителя практически неуязвимым, позволял левитировать или, наоборот, в несколько раз увеличивать вес собственного тела.

– Надо попробовать. – Не раздумывая брякнул Игорь Сергеевич и, секунду помолчав, добавил, – Хотя нет... Эта энергия заполняет объем, который занимает витальная энергетическая оболочка. Какого-то канала подпитки я не увидел, значит, передача внепространственная. А «жалюзи» действуют лишь по границе того самого витала.

– Так, давай попробуем задать им объем? – Сразу предложил Витя.

– И как ты себе это представляешь? – Пономарь тут же представил все последовательные стадии, которые надо проделать для входа в это состояние. Юный Матюшин и так их знал, но сейчас, используя образы, которые проецировал целитель, стал тут же вносить коррективы в фазы создания «жалюзи». Итоговая конструкция получилась объемной, но очень странной. Казалось, что все точки внутри яйца витальной оболочки оказались закрыты индивидуальными «жалюзи».

– Хм... – Дарофеев недоверчиво разглядывал витино творение. – А я не рассыплюсь на атомы?

– Нет! – Улыбнулся паренек. – Смотри, я использовал принцип «тело человека – голограмма». Каждая точка, до которой дошла волна, сама становится излучателем. Но волна эта несет и индивидуальные личные характеристики. И те вибрации, которые опознаются этими бесчисленными «жалюзи», как «свой», проходят безболезненно. А все «чужие» – отторгаются. Хочешь, я сам попробую?

– Нет, хватит. – Пономарь накрыл своей ладонью ладонь Вити. – Ты сегодня уже наэкспериментировался. Я сам...

2.

Когда Пономарь и Витя материализовались в квартире на Рублевском, там их уже дожидался брат Игоря Сергеевича – Константин. Младший Дарофеев уже привык, что целитель может запросто скакать по пространству, но настроение прибывших повергло Константина в легкое недоумение: Пономарь и юный Матюшин смеялись, как сумасшедшие.

– Вы что, из цирка? – Вместо приветствия спросил брат у Игоря Сергеевича.

– Хуже... – Не в силах справиться с пароксизмами хохота ответил целитель.

Вскоре веселье несколько притихло и Дарофеев смог, наконец, поведать Константину о случившемся:

– Витя предложил новый вариант «жалюзи».

– Это так смешно? – Угрюмо задал вопрос младший Дарофеев.

– Видишь ли, новая схема отторгает все чужеродное не только по границе витальной оболочки, но и внутри самого организма.

Константин подумал и рассмеялся сам:

– Как, костюм не испортил?

– Успел. – Всклипнул Игорь Сергеевич.

– Он сразу переместился, – добавил Витя, – а я удержал все это как оно внутри было.

– Я сразу килограмма три сбросил. – Дарофеев-старший успокоился окончательно. – Не представляешь, какая это замечательная очистка организма. Причем моментальная.

– А дядя Игорь потом скакнул обратно и видит, что он тут стоять остался. Только слегка распыленный. – Витю все еще трясло от смеха, – И говорит: «Да, я и не знал, что во мне еще столько всякого дерьма осталось!» А я отвечаю: «Да, такое надо делать на очень голодный желудок!»

– Все это здорово, – хмуро проговорил Константин, – но я к тебе по делу.

– Говори. – Целитель моментально посерьезнел.

– Моих ребят сглазили. – Сообщил Дарофеев-младший.

– Дальше можешь не продолжать. – Перебил брата Пономарь. – У вас все не ладится, операции проваливаются...

– Люди гибнут. – Зло прервал экстрасенса Костя.

– И люди гибнут. – Кивнул Дарофеев. – Это не сглаз. Это прямое вмешательство в причинно-следственные связи. Началось это два-три месяца назад. Сперва воздействие было слабым, но с каждым днем оно усиливается.

– Конец света, о котором так долго говорили большевики... – Угрюмо пошутил младший Дарофеев.

– Вряд ли. – Подал реплику Витя.

– Это все напрямую связано с одной организацией, «Космэтикой». – И Игорь Сергеевич в двух словах пересказал брату, что знал о тайном обществе.

– Когда говоришь с тобой, фразу «не верится» лучше забыть. – Немного поразмыслив ответил Константин. – Но для чего эти комэтисты все это затеяли. Дестабилизация ради анархии? В этом нет смысла. Стабильное общество легче «доить». Посеять панику, объявить тот же Армагеддон, и прибрать кого можно под свое крыло? В этом есть какой-то смысл. Только люди у нас к концам света уже привычны, и чтобы запугать простого обывателя нужно что-то посильнее Фауста.

– Так в том и дело! – воскликнул целитель. – Посмотри вокруг. Ко мне косяками идут со своими неудачами. За какой-то месяц люди подрастеряли всю оставшуюся у них уверенность. Была надежда на лучшее, да и ту космэтисты отбирают! Не удивлюсь, что везение осталось только у членов этой секты.

– Но как так может быть? – Недоумевал младший Дарофеев. – Разве везение материальная категория?

– На общем фоне, отсутствие неудач – уже счастье.

Константин лишь хмыкнул.

После ухода брата, которому Игорь Сергеевич тоже пообещал рассказывать все новости, Пономарь обратился к Вите:

– Спим сегодня в одной комнате.

Юный Матюшин согласился. Если благодать свалится на одного из них – второй сумеет его вытащить. О том, что будет, если эта напасть затронет сразу обоих, Витя предпочел не думать.

3.

Уже к пробуждению Николая Андреевича отчет Драйвера дожидался Корня в его электронном почтовом ящике. Пропустив все выкладки, приведшие к выводам, Репнев сразу принялся за резюме. Прочитав четыре абзаца, мафиози попытался пролистнуть текст дальше вниз, но обнаружил, что это все и, положив ногу на ногу, крепко задумался, механически гоня курсор мыши по экрану монитора.

Выходы, которые предлагал компьютерщик, отличались завидным разнообразием. Самым простым и надежным было вступление в секту. Но при этом Корень терял бы почти все. Обязательное для всех сектантов обучение Космической этике стоило очень недешево, даже для такого состоятельного человека, как Николай Андреевич. Драйвер даже приложил ссылку на официальные страницы «Космэтики» в Интернете. Впрочем, не вступая в это тайное общество, Репнев потерял бы еще больше.

Анализ гласил, что убытки мафиози будут расти с каждым днем. И, чтобы хотя бы минимизировать их, следовало немедленно обратить всю недвижимость в России в наличные и перебросить их за океан. Ну, а если Космэтика появится и там, а, судя по всему, этого момента ждать уж не долго, то оставалось одно – перебираться на другие планеты.

Третьим вариантом Драйвер предлагал немедленно объединяться с самыми крупными криминальными структурами и решать вопрос Космэтики путем физического истребления ее членов. (Пока не будет изобретено другого способа борьбы с такой заразой.) Причем начинать следовало с выявления сектантов в самих мафиях. Для этого предлагалось увеличить штат «дознавателей» и, как один из вариантов получения информации, попросить помощи у Дарофеева.

Последнее предложение: в несколько раз увеличить число членов организации и поручить им перекрестное слежение друг за другом в целях недопущения случайностей, Репнев отмахнулся сразу, как самое несостоятельное. Так же Николай Андреевич отбросил первые два предложения. Была в них пассивность и попытка простого ухода от проблемы, которая, как понимал мафиози, на месте стоять не будет, и когда-нибудь, да догонит.

Оставалось одно. И без компьютерного анализа Корень понимал, что ему надо идти в наступление. Пока не было ясно, куда именно наступать, у него еще могли быть сомнения. Но сейчас, когда стало ясно, что все последние неудачи, это не просто случайности, а случайности подготовленные. Когда Николай Андреевич вместо непредсказуемой природы обрел конкретного врага, у него, наконец, появилось знакомое поле для деятельности.

Отправив Драйверу ответ с директивой разработать сценарии уничтожения Космэтики, Репнев взял телефон. Корню очень не хотелось, набирать этот номер, да и вообще, слышать и знать о существовании этого человека, но Рыбак был и оставался владельцем самой крупной и разветвленной криминальной структуры. И до тех пор, пока остается спрос на наркотики, пока они находятся под запретом, наркомафия Рыбака будет использовать и наживаться на этом пристрастии.

Вздыхнув, Николай Андреевич набрал номер. Рыбак ответил сразу.

– Здравствуй, Корень.

Репнев усмехнулся про себя: надо же, помнит номер моего мобильного, и отозвался:

– Здравствуй, Рыбак.

– Чтобы не тратить зря наше с тобой время, – Голос наркобарона, бархатный баритон, завораживал богатством оттенков и интонаций, буквально в каждом слове, – я скажу так: я согласен на координацию усилий, но не более.

– Это и так не мало.

– Я рад такому взаимопониманию. Мои аналитики сейчас перешлют твоему Драйверу наши разработки по теме. А завтра предлагаю встретиться.

– Без охраны.

– Да. Лишние уши нам ни к чему.

– Созвонимся. – И Репнев отключил связь.

Разговор этот несколько поднял настроение Николая Андреевича. Рыбак, значит, тоже столкнулся с теми же проблемами, проанализировал их и пришел к тем же выводам, что и сам Корень. Разве что сделал он это несколько раньше. И этот факт, то, что наркобарон уже опережает его, Репнева на один-два шага, привел мафиози в полный восторг. Если этот темп

сохранится, то наркомафия первой примет на себя удар Космэтики, если та будет сопротивляться.

Но и Рыбак не лыком шит, подумалось Николаю Андреевичу. Если он ждал этого моего звонка, значит, он уже все просчитал и совершенно спокойно может подставить под удар меня!

И Корень погрузился в просмотр вариантов.

4.

– И зачем тебя туда понесло? Погеройствовать захотелось? У тебя что, работы мало? – Полковник Владимир Тихонович Памятник, непосредственный начальник Изотова по убийственному отделу ФСБ, устраивал тому «выволочку на ковре». – Что у тебя с Космэтикой?

– Я работаю.

– А результаты где?

– Мне пока не удалось выйти на лидера. Но я...

– Работаешь, знаю. – Владимир Тихонович вздохнул. – В общем, через час чтобы отчет обо всех проведенных тобой действиях по Космэтике был у меня на столе.

– Он у вас будет через пять минут. Я его уже написал.

Полковник посмотрел на невозмутимого Сергея Владимировича, и вдруг поймал себя на мысли, что что-то не нравится ему во внешности сотрудника. Ощущение было, словно майора гнетет какая-то мысль или беда, и он, пытаясь разобраться с этим самостоятельно, уходит в себя.

– И на счет твоего захвата террористов... Должен сказать тебе очень неприятную вещь... – Памятник взял карандаш и принялся легонько постукивать им по столешнице. – Тот человек, который случайно погиб во время перестрелки с последним бандитом – убит из твоего оружия.

Майор побледнел, но оправдываться не стал.

– Знаешь, кем он был? – Полковник заглянул в папку, лежавшую перед ним, – Доцентом, кандидатом философских наук, работал в Академии социальных отношений и занимался сектантством. В этот день он должен был отправиться на семинар и дать студентам задание по сравнительному религиоведению. Одним из заданий было, – Владимир Тихонович снова прочел по отчету, – «Анализ секты «Космэтика» в сравнении с «Живой этикой» Рериха». Странное совпадение, правда?

Изотов теперь усиленно изучал ковер рядом со своими ногами.

– И объяснение по этому эпизоду я жду вместе с отчетом.

– Слушаюсь. – Пробормотал Сергей Владимирович.

– Свободны.

– Есть! – Изотов козырнул, четко повернулся и печатая шаг вышел из кабинета.

Через полчаса он положил на стол секретарши Памятника отчет по Космэтике и объяснительную записку. А еще через четверть часа, заглянув по пути к экспертам-баллистам, он уже ехал в метро в сторону Щукинской, где должна была состояться его встреча с Ладушкиным.

Глава 6

1.

Ночью никаких нападений не произошло.

На это утро планов у Игоря Сергеевича не было, курс лекций, которые он читал на курсах повышения квалификации народных целителей, недавно кончились, график работы еще не перестроился, в Центр Традиционной народной медицины надо было ехать лишь к трем часам, и Дарофеев решил посвятить свое свободное время сбору сведений о Космэтике.

После легкого завтрака целитель и Витя начали медитацию. Они отделили тонкие тела от плотных, вошли в режим модифицированных «жалюзи», которые Пономарь уже окрестил «состояние «шишка», и астральное путешествие началось. Решив самостоятельно неприятности не искать, Пономарь и юный Матюшин, коротко посоветовавшись, постановили: первым делом Константин.

Настроившись на личностные вибрации брата, Игорь Сергеевич «пошел по следу». Просматривая события, происходившие с младшим Дарофеевым, целитель и Витя быстро нашли последнюю операцию, в которой тот участвовал.

Константин недавно сменил работу и из ГРУ ушел в Налоговую полицию, где возглавил элитное подразделение спецназа.

Два дня назад они должны были провести захват небольшого особняка, в котором находился офис подпольного афганского банка. Граждане суверенного Афганистана, занимались нелегальными переводами валюты за границу и обратно. По данным наружного наблюдения, в офисе на момент захвата должно было находиться не более пятнадцати человек, из которых больше половины составляли девушки-счетчицы.

Все это Дарофеев и Витя выслушали, побывав на летучке спецназовцев.

Однако, с самого начала дела у бойцов пошли наперекосяк. За минуту до начала операции на территорию особняка въехал фургон. Эта машина обычно отвозила наличность и появилась за полчаса до обычного времени своего появления. Посоветовавшись, командование решило все же начать штурм.

Более тридцати спецназовцев пошло в атаку. На преодоление забора ушли считанные мгновения, но уже во дворе их встретило сопротивление. Люди восточной наружности, загружавшие мешки в фуру, успели открыть огонь. Двое бойцов оказались ранены, остальные сами были вынуждены открыть огонь на поражение.

Внутри здания на звуки выстрелов среагировали моментально и все двери и окна оказались заблокированы металлическими решетками.

На такой случай у бойцов имелись миниатюрные заряды, они перерубили прутья решеток, но темп и внезапность были потеряны. Обитатели особняка не сопротивлялись. Но когда бойцы попытались войти в одну из комнат, где лежали подозрительные мешки, раздался мощный взрыв. Трое человек погибли на месте, еще двое получили осколочные ранения. После взрыва сразу начался пожар. Систему автоматического пожаротушения работники банка успели отключить и пламя быстро охватило здание. Тут уже было не до компромата, самым бы спастись.

В общем, спасти удалось лишь малую часть денег и бумаг. Самые важные компрометирующие документы оказались уничтожены. Руководство признало, что операция провалилась.

Витя и Дарофеев внимательно проследили всю цепочку событий в особняке. Там не оказалось никого, связанного с космэтикой, никто не устоял перед снисхождением благодати.

Теперь перед биоэнергетиками стояла нелегкая задача, выяснить, как именно этому тайному обществу удалось повлиять на операцию налоговиков. Пономарь и юный Матюшин разделились. Каждый выбрал себе по несколько человек, чтобы отследить их предысторию.

Повезло Вите. Он нашел из-за чего машина прибыла намного раньше, чем была должна. Заместитель директора Афганского подпольного банка сам позвонил и потребовал, чтобы деньги забрали раньше. А произошло это из-за того, что его массажист перенес на те самые злополучные полчаса свой сеанс. А в этом была повинна владелица суки чау-чау, к которой массажист должен был повезти своего кобеля на случай. А ее попросило начальство прийти на работу на полчаса раньше, чтобы подготовить финансовые ведомости к плановой ревизии. А уж начальство, директор обувного магазина и был членом Космэтики и позвонил он в момент полного отключения сознания, благодаря обрушившейся на него экстатической энергии.

Игорь Сергеевич сам просмотрел эту цепочку событий и людей и не нашел изъянов в тщательном построении случайностей.

– Это невозможно. – Пономарь явно был в шоке.

– Почему?

– Смотри, это цепочка из четырех звеньев. Не сработай одно – и все пойдет прахом. Но некто так хорошо знает этих людей, их ценностные приоритеты, что использует каждого как некую шестеренку. Они цепляются друг за друга и получается необходимый результат.

– Ну. Правильно. – Недоумевал Витя. – Что тут невозможного?

– Сколько у обычного человека знакомых, с которыми он связан какими-то делами? Ну, положим, сотня. Какова вероятность, что у них появится к нему срочное дело? Положим, одна десятая. Перемножаем. Получается общая вероятность – один к десяти тысячам. А теперь возводим это в четвертую степень. Это настолько малая вероятность, что обычный человек ее просто не просчитает.

– А экстрасенс?

– Все равно. Слишком много разных данных и возможных случайностей надо для этого учесть. И, вспомни, такое сейчас происходит по сто раз на день!

– Но тогда кто это делает? – Юный Матюшин осознал всю грандиозность и невыполнимость такой задачи.

– Вот и я думаю, кто? – Невесело отозвался Игорь Сергеевич.

2.

По части аналитики, люди Рыбака намного опережали Драйвера со всей его немисливой компьютерной мощью. Глава наркомафии, Владимир Иванович Зарайский, по прозвищу Кикоз, стал Рыбаком относительно недавно. Предшествовали этому достаточно странные события, главным движущим лицом которых стал потерявший память Пономарь. Именно он довел старого Рыбака до того, что тот ударился в панику. Ежедневно Дарофеев являлся в Бутырскую тюрьму, где до суда содержался старый вор в законе и методично уничтожал всю мебель.

Под конец экстрасенс вызвал Рыбака на дуэль. Старик, естественно, подготовился. Ловушка была устроена так, что Пономарь ускользнуть не мог даже теоретически. Две кабинки, два ящика тротила с шестью шнурами, видеокамеры, транслирующие дуэлянтам что творится у соседа. Плюс маленький обман: какую бы будку ни выбрал Пономарь, его телевизор показывал бы запись. Однако, тогдашние аналитики не учли того, что у Дарофеева вдруг появятся принципиально новые способности.

Экстрасенс честно пообещал не пользоваться ясновидением, и обещания он не нарушил. Он телепортировался в будку, где сидел Рыбак, и просто поменял дуэлянтов местами. Старик подорвался, и Кикоз, заранее объявленный преемником, сам стал Рыбаком.

Правда, Дарофеев подложил напоследок нехилую свинью. На следующий день новоиспеченный Рыбак своим ходом отправился в ближайшее отделение и потребовал оформить на него явку с повинной. Новому криминальному боссу повезло. До него это отделение уже заполнили рядовые члены наркомафии. Следователей, чтобы оформить все дела катастрофически не хватало. Рыбак расположился в коридоре и исписал листов двадцать. После того, как он поставил последнюю точку, программа принуждения, посаженная на него неугомонным Пономарем, закончила работу, и мафиози, ужаснувшись, выбежал из отделения прочь, не забыв прихватить свою писанину.

Но около двух третей рыбаковцев остались за гостеприимными стенами.

Впрочем, даже это новый Рыбак умудрился использовать себе во благо. С помощью попавших в заключение химиков и простых боевиков, в исправительных колониях было создано множество маленьких фабрик по производству синтетических наркотиков. И если раньше «воля» снабжала этим зельем тюрьмы, то к нынешнему моменту ситуация изменилась зеркально.

Да и исследовательская работа продолжалась под всеми парами. Химикам Рыбака удалось улучшить и модифицировать наркотик «генерал», который изготавливался из редкой разновидности амазонских грибов. Теперь это был уже спектр препаратов. Исходный «генерал», который изготавливали в очень малых количествах, только для внутреннего использования, колумбийские картели, обладал весьма примечательным действием. Употребивший его на час погружался в галлюцинаторный мир, а когда он открывал глаза, то поступал в полное подчинение тому, кого увидит первым.

Ранние попытки синтеза такого вещества увенчались лишь частичным успехом. Попробовавший самодельного «генерала», действительно становился почти что рабом, но лишь на год-другой. Сейчас же химики Рыбака научились варьировать и силу воздействия и срок его. Но, несмотря на очевидные успехи, синтез этого препарата все еще оставался катастрофически дорогим и длительным, и лишь поэтому «генерал» не нашел широкого распространения.

Но у Рыбака постоянно был с собой особый пистолет, в обойме которого находилось три десятка миниатюрных патронов-капсул, снаряженных «генералом». Три секунды – и человек уже ничего не соображал, а очнувшись, уже становился членом наркомафии.

Но на встречу с Корнем наркобарон решил это оружие не брать. В любом случае, оно не понадобится. Да и пронести пистолет в сауну, где Репнев наверняка назначит встречу, было делом, хотя и возможным, но лишним со всех точек зрения. Рыбаку Николай Андреевич был нужен такой, какой он есть, а не послушная предсказуемая марионетка. Да и Пономарь, едва встретившись с «загенераленным» депутатом, сразу разберется, в чем тут дело, а на Дарофеева у наркобарона были свои планы.

Молодой мафиози прекрасно был осведомлен об отношениях Игоря Сергеевича и Корня. А сейчас, когда по всем городам и весям набирала силу зараза Космэтики, Репнев неминуемо обратится к Пономарю за помощью. А, поскольку Рыбак планировал договориться с Николаем Андреевичем о совместных действиях, сильный противник, превращенный в союзника, вряд ли помешает.

Сам Зарайский уже немало пострадал от космэтологов. Эти люди, провоцируя разного рода случайности, неоднократно срывали планы Рыбака. Несколько дней аналитики наркомафии искали причину неудач. Для работы были даже привлечены смертники-ясновидящие. И именно они и наткнулись на новую секту, Космэтику. А после этого большая часть головоломки встала на свои места. Но полученные ответы вызвали новую волну вопросов.

Например, никто не знал, откуда взялась эта секта. Как удастся просчитывать минимальные по затратам воздействия из-за которых рушатся тщательно спланированные замыслы, которые, казалось бы, десятикратно застрахованы от любых неожиданностей. Почему, наконец, Космэтика считается тайным обществом и в тот же момент зарегистрирована как школа для обучения азам биоэнергетики?

Впрочем, ответ на последний вопрос находился быстро: школа Космической этики служит прикрытием тайного общества. Но чем именно занимается это тайное общество, кто его активисты и, наконец, основатели, ответов пока не было. Люди Рыбака следили за несколькими первичными ячейками космэтологов, но, с ними регулярно что-то случалось, они вынуждены были покидать наблюдательные пункты и аналитики подтверждали, что именно в эти моменты туда должны были приезжать космэтологические «шишки».

Теперь же, когда затраты на выявление истинного лица Космэтики будут удвоены, можно будет планировать какой-то положительный результат.

Но если Корень планировал просто устранить мешающий фактор, то Рыбак, как всегда, хотел эту Космэтику приручить и обратить себе на пользу.

3.

В метро Изотов прочитал заключение баллистической экспертизы. Он пропустил страницы сравнительного анализа оружия, которое использовалось в перестрелке с террористом, и особо внимательно рассмотрел трассологический анализ. И приложенная к нему схема показалась Сергею Владимировичу совершенно фантастической. Его пистолет находился на уровне 105 сантиметров от земли, следовательно, стрелял майор от бедра. Но, сколько Изотов себя помнил, он никогда не использовал такую позицию для ведения огня. Его пуля прошла в десяти сантиметрах от головы боевика, едва не задела угол автобуса и нашла свою жертву на другой стороне улицы, попав несчастному доценту в правое подреберье и поразив спинную артерию. Долей секундой раньше или позже произведи этот злополучный выстрел майор, и он бы попал или в супругу убитого, или вообще промахнулся. Но то, что покойный пытался разобраться в смысле существования Космэтики, наводило на неприятные размышления.

Впрочем, Сергей Владимирович встрепнулся, что это он?! У него же задание: выяснить как эта секта связана со множеством убийств. Почему же он уже думает так, словно он не разведчик в стане врага, а добропорядочный сектант?!

Да и Пономарь...

Изотов затряс головой, отгоняя наваждение. Но едва майор вспомнил об Игоре Сергеевиче, ничем не спровоцированная ненависть к целителю вспыхнула с новой силой.

Пытаясь бороться с собой, Сергей Владимирович сделал несколько успокаивающих упражнений, из тех, которым его обучил Дарофеев, но негативное чувство не проходило. Из-за этих мучений Изотов едва не проехал нужную станцию. Он вышел и практически сразу увидел «Оку» Ладушкина.

Павел Самсонович, как моментально определил Изотов, сильно нервничал. Майор сел в машину и поздоровался. Посвященный в ответ лишь кивнул, и утопил педаль газа.

Уже привыкнув к неразговорчивости своего куратора, Сергей Владимирович на этот раз решил сам начать разговор:

- Я хотел бы задать вам несколько вопросов.
- Позже. – Отрубил Павел Самсонович.
- Я настаиваю.
- Если я отвечу через полтора часа, вас это устроит?
- Вполне.

На этом беседа прекратилась. «Ока» добралась до Свиблово, поплутала между панельных многоэтажек и, наконец, остановилась у одного, совершенно неотличимого от других, подъезда. Ладушкин запер машину, и они с Изотовым поднялись по лестнице на третий этаж.

В квартире оказалось на удивление пусто. Сергей Владимирович, уже привыкший к тому, что космэтисты любят массовые акции, где можно без зазрения совести нахапать групповой энергетики, был удивлен, обнаружив, что кроме них, в помещении находятся еще только двое.

Все происходило в полном молчании. Один из присутствующих, незнакомый майору мужчина рыжий, но с узкими глазами и широким лицом уроженца севера, достал из холодильника бутылку, закупоренную пробкой из свернутого куска газеты, и разлил жидкость по четырем стаканам. Павел Самсонович протянул Изотову стакан, до половины наполненный вязкой темной жидкостью. Майор приблизил его к носу, понюхал. Пахло какими-то травами, среди которых узнавались зверобой и валерьяна. Сохраняя серьезное выражение, фээсбэшник залпом проглотил холодную жидкость. На языке остался приятный сладковатый вкус.

Еще несколько минут стояла тишина. Наконец второй незнакомец, блондин с капитанской бородкой заговорил с легким прибалтийским акцентом:

Сегодня ты приобщишься к великим тайнам Общества Космической этики. Мы, апостолы Космэтики оказываем тебе доверие и возлагаем на тебя груз великой ответственности за судьбу погрязшего в грехах человечества...

Бородатый с легкостью сыпал штампованными фразами, в которых перемешивались христианская и буддистская терминологии, но были и слова, которые Сергей Владимирович считал аутентичными для космэтологической мифологии.

Напиток уже действовал и тело майора начало вибрировать на волнах протекающей через него энергии. Изотов привычно наблюдал за энергетикой всех присутствующих и в какой-то момент с удивлением обнаружил, что они начали настраиваться на биоэнергетический контакт с ним. Раньше никаких подобных поползновений у Ладушкина, не возникало. Сергей Владимирович даже начал думать, что тот, хотя и обладает сильной энергетикой, управлять ей не умеет.

– ...помни, теперь ты станешь настоящим посвященным и пути назад у тебя уже не будет. Ты будешь исполнять волю апостолов и основателя Космэтики как свою собственную.

«Ага, – промелькнула у Изотова мысль, – значит, основатель все-таки есть, и он должен быть жив».

– Клянешься ли ты в этом? – Закончил свою речь прибалт.

– Клянусь! – Торжественно, как пионер, заявил Сергей Владимирович.

– Тогда начнем ритуал. – Предложил Павел Самсонович.

Сергей Владимирович встал посреди кухни, космэтисты окружили его, взявшись за руки.

– Во имя вечной и неизменной Космической Этики, приди к нам сила для приобщения нового идущего по космическим тропам! – Провозгласил бородатый.

И чудо свершилось. Все трое вдруг засияли. Изотов ощутил, что окружившие его космэтисты буквально переполнены энергией. Их витальные оболочки засветились, словно внутри каждого из них зажглось маленькое солнце. Но, как не старался майор нащупать источник этой силы, это у него не получилось.

В следующий миг Сергей Владимирович очутился в энергетическом вихре. Силовые потоки закрутились вокруг него, он его тело пока что оставалось в кольце. Но это кольцо начало сужаться.

Еще несколько секунд, и энергетический смерч проник в его тело. Майора физически закрутило, он пошатнулся, но устоял на ногах, вдруг поняв, что теперь его тело стало цен-

тром этого торнадо. А в следующее мгновение он осознал, что уже испытывал почти такое же ощущение блаженства и благодати.

Единственным отличием от того, прежнего опыта, было то, что фээсбэшник оставался в сознании.

Космэтологи опустили руки, и отошли от нового посвященного. Изотову же хотелось петь, плясать, хоть как-то выразить свою безграничную благодарность этим милейшим людям.

– Мы дали тебе могучий инструмент. – Объявил Ладушкин. – Но использовать его ты имеешь право лишь на воплощение идеалов учения Космэтики!

– Да, я клянусь, никогда не употреблять его в иных целях! – Воскликнул Сергей Владимирович.

– Хорошо. – Хрипло сказал рыжий. Изотов так пока и не понял, то ли он бурят, то ли какой-то другой национальности. – Теперь ты приобщись к нашей тайне. Читай внимательно. Второго раза не будет.

В руках Изотова появилась тоненькая картонная папка, внутри которой оказалась стопка машинописных страниц.

«Я хочу описать здесь то, как я создал общество Космической Этики, его цели и задачи а так же способы, благодаря которым люди смогут вступить на сияющий путь которые приведет их к единению с Космическим Разумом...» – Прочел майор.

4.

До времени, когда Грибокоть сможет занять обещанное ему место нарядчика, еще надо было дожить. Нынешний освобождался только через два месяца и все это время Михаилу Львовичу предстояло провести в своем девятом отряде.

В больнице к нему несколько раз заходил Игнат Федорович Лакшин, майор, начальник оперативной части, а, на зековском жаргоне, кум. Кум расспрашивал Шамана о избивших его зеках, выводывал догадки, почему они могла это сделать. Но большую часть бесед Лакшин проводил, что называется, «за жизнь». Майор составлял психологический портрет Грибокотья, спрашивая зека о, казалось бы, совершенно посторонних материях. Снится ли ему воля? Какие у него отношения в отряде? Что он любит поесть? Способен ли содержать собаку?

Как показалось Михаилу Львовичу, кум ответами оказался удовлетворен. Во всяком случае, энергетические излучения Игната Федоровича во время разговоров ни разу не выдали его раздражения или неудовольствия.

Выписку Шаман пережил очень болезненно. Ему сняли гипс, Поскребышев пощупал кость, неопределенно хмыкнул и поставил диагноз:

– Все срослось как на собаке. Две недели легкий труд, дальше – как все.

Выданная одежда повергла Грибокотья в ужас. Его костюм превратился в какие-то грязные лохмотья. На нем еще оставались следы сапог, которыми били Михаила Львовича. Левый рукав оказался разрезан вдоль и буквально стоял от запекшейся крови. Появиться в таком виде на плацу казалось невыносимым.

Но Шаман преодолел этот путь.

А в отряде его ждала шикарная встреча. Его семейник, Рак, соорудил «подъем из больницы» по высшему из доступных разряду. Грибокотья сразу же переодели в новенькую простроченную и ушитую робу, замелькали банки с чаем, карамель, белый хлеб... Михаил Львович наелся и начирился от пуза.

Но, в самый разгар веселья Рыков все же умудрился испортить Шаману все приподнятое настроение:

– Слышь, эта благота от тебя не отвяжется.

Грибокоть помрачнел и чуть не поперхнулся крепкой заваркой. Гости, Шпала и мужики из его бригады, ничего не заметили, а Рак продолжил:

– Тут один мужик случайно услышал, что Репей тебя совсем зачморить хочет. Ну, чего делать будем?

– Объединяться! – Ляпнул Грибокоть.

– Ага, объединишься тут...

Но пути назад у Шамана уже не было. Тюремный закон «подписался – делай», он вызубрил накрепко и сразу же лихорадочно стал прикидывать кого и как можно объединить под общей идеей. Кроме того, эту идею тоже предстояло еще выдумать.

– Объединимся! – Уже совершенно уверенно кивнул Шаман. – Я уже кое-что надумал.

Рак не спрашивал, что именно, и это позволило Михаилу Львовичу со всех сторон осмыслить свое положение. Впрочем, через три дня решение было уже почти готово.

Пытаясь придумать объединяющий ход, Грибокоть начал тщательнее присматриваться к окружающим его зекам. Но интерес у всех был один: поскорее выйти на волю и при этом жить в колонии как можно лучше. Способов для этого находилась масса: от изготовления поделок на продажу вольным водителям, до банальной передачи денег с воли. Через тех же шоферов.

Понятно было, что заманивать людей надо было обещаниями повышения жизненного уровня, но как этого можно было достичь? И тут Михаилу Львовичу повезло.

Легкий труд, в понимании бригадира Шпалы означал вынос мусора. Действительно, легче работы во всем цеху не было. Шаман махал метлой, выносил вырубку на пресс, который делал из ажурных металлических полос полуметровые кубики, и наблюдал.

Вдруг он почувствовал сильный всплеск биоэнергии. Грибокоть, умаиваясь в цеху, уже почти забыл, что он экстрасенс, да и обычный тяжелый энергетический фон, ватной шапкой накрывавший колонию, не способствовал медитационным практикам. А тут...

Источник возмущения Михаил Львович нашел в своем же цеху, но на рабочих площадях другого отряда. Молодой парень ругался с бригадиром и откровенно подавлял его своим молодыми сильным излучением манипуры. Бригадир еще несколько раз рявкнул для порядка, но переломный момент уже прошел и парень остался безнаказанным.

«Вот оно! – Понял Шаман. – Я соберу биоэнергетиков! И нам уже никто не сможет противостоять!»

К концу смены Грибокоть нашел еще двоих потенциальных кандидатов в свою общину. Но оставалась проблема объединяющей идеи. Она должна была быть достаточно сумасшедшей, но, в то же время, и нести в себе изрядный запас здравого смысла. И, кроме того, быть относительно новой. Такой, с чем зеки еще не встречались, а если и знают, то понаслышке.

Глава 7

1.

Дарофеев и представить себе не мог, что в Центре Традиционной народной медицины почти все экстрасенсы связаны с Космэтикой. Перед тем, как пойти на работу, Игорь Сергеевич попросил Витю постоянно следить за тем, что происходит в Центре и, если вдруг на одного из целителей снизойдет космэтическая благодать – немедленно сообщать ему об этом.

Но помощь юного Матюшина и не потребовалась. Пономарь, несмотря на почти полное погружение в процесс излечения, и сам прекрасно чувствовал противоестественные вибрации, испускаемые адептами секты. И всякий раз Дарофееву приходилось прерывать собственный сеанс, чтобы не допустить негативное вмешательство в чужих пациентов.

За этот день и вечер Игорь Сергеевич вынужден был отвлекаться раз двадцать, перемещая свое тонкое тело к каждому из работавших в данный момент в Центре. А к некоторым и не по одному разу. Следовало признать, что методы воздействия таинственного противника целителя были весьма разнообразны. Дарофееву пришлось и разблокировать заглушку на локтевом нерве, из-за которой у человека могла в какой-то момент должна была ненадолго отняться рука, и довыводить песчинку из почки, которую его коллега оставил четко на полпути, и заново раскрывать свадхистану, сексуальный чакр, из-за вмешательства в функционирование которого пациент на время становился импотентом...

Самое странное, что пребывающие в «благодати» экстрасенсы совершенно не реагировали на то, что их работа тут же нейтрализуется. Словно неведомая сила диктовала, что надо им сделать и как, и настолько была уверена в результате, что совсем не контролировала результат их действий.

К концу «смены» Игорь Сергеевич понял, что ни сам, ни даже с помощью Вити он не сможет справиться с той сатанинской вакханалией, что творилась сейчас в стенах Центра. Следовало найти причину всего того, что творилось сейчас и среди экстрасенсов, да и по всей стране. Найти – и устранить. Некоторые зацепки у Пономаря были, да и опыт в борьбе с неизвестным противником уже накопился немалый.

Но, когда Витя и Игорь Сергеевич приехали домой, целитель, совершив ритуал энергетического и физического очищения, занялся совершенно другим делом. В первую голову Дарофеев решил, насколько это возможно, обезопасить, хотя бы на время, своего брата.

Юный Матюшин пытался, было, оспорить решение целителя, говоря, что сначала требуется выработать глобальную стратегию, а уж потом размениваться на тактические битвы, но Пономарь отмел все возражения одним, самым весомым аргументом:

– Константин – единственный родственник, который у меня остался! И я не хочу, чтобы он погиб из-за чьих-то дурацких игр с кармой!

На такой довод невозможно было что-либо возразить, и Витя отправился с Дарофеевым в астральное путешествие по вариантам возможного будущего.

Уже через несколько минут выяснилось, что Игорь Сергеевич оказался прав, отдав приоритет именно задаче спасения Константина. Ранним утром наступающего дня младший Дарофеев должен будет участвовать в еще одной операции. На этот раз, по просьбе прокуратуры, спецназ налоговиков бросят на захват дачного домика, где, по некоторым сведениям, должен был находиться склад оружия одной из мелких подмосковных банд. Банда эта состояла из пяти отморозков, и за ними тянулся хвост из восьми трупов.

Захватит преступников решено было произвести в пять утра, когда бандиты должны были отсыпаться после очередной пьянки. Но что-то разбудит убийц и они встретят бойцов яростным огнем. В результате перестрелки Константин получит ранение в шею и скончается через две минуты, не дождавшись помощи.

– Да, дядя Игорь! – Матюшин мысленно развел руками, – Ну, у тебя и интуиция!

– Опыт! – Пономарь шутливо погрозил парню пальцем. – Ладно, считай, помирились. Теперь поедem дальше.

После того, как стало ясно, что Константин может быть убит почти со стопроцентной вероятностью, Дарофеев и Витя начали искать, в чем причина такой встречи спецназа. Выяснилось это достаточно быстро: у одного из бандитов без четверти пять вдруг зазвонил телефон. Мобильник лежал в кармане пиджака и чтобы даже отключить его, мужику пришлось встать с постели. Проходя мимо окна, он заметил во дворе подозрительное шевеление и тут же растолкал всех подельников.

Трубку так никто и не взял.

Игорю Сергеевичу потребовалось довольно много времени, чтобы выяснить, кто звонил бандитам в такую рань. Оказалось, что это был охранник заместителя директора крупного супермаркета. Зам директора попросил охранника разбудить именно без пятнадцати пять, а потом заехать за ним, чтобы отвезти на рыбалку. Но телефон, продиктовал не свой, а мобильного телефона бандита. Стоит ли упоминать, что в момент, когда происходил разговор с охранником, заместитель директора находился под действием космэзтлогоической «благодати»?

С этой проблемой Дарофеев справился достаточно быстро. Он переместил свое тонкое тело в дом бандитов, где те уже начали праздновать очередной успешный грабеж, и уничтожил всю электронную начинку мобильного телефона.

Снова просмотрев изменившееся уже будущее, целитель с удовлетворением обнаружил, что теперь захват пройдет как в кино. Банду скрутят без единого выстрела, и никто не пострадает.

Когда Пономарь и Витя закончили эту медитацию, оказалось, что времени уже далеко полночь, и они отправились спать.

2.

Встреча с Рыбаком прошла точно, как запланировал Репнев. Наркобарон сразу согласился на сауну, как на самое удобное место для бесед и там, за холодным пивом и вяленным лещом состоялся разговор...

Не желая светиться в крупных банях, Николай Андреевич снял крохотную баньку на Патриарших прудах. Она была под крышей возродившейся Хумской братвы и представляла собой ни что иное, как маленький элитарный бордель. Корню даже пришлось заплатить отступного, чтобы женский пол не мешал сугубо мужским беседам.

Перед тем, как Репнев переступил порог сауны, его спецы исследовали все стены в поисках «жучков», ничего не нашли, и дали зеленый свет. Вся охрана осталась в двух машинах рядом с единственным входом.

Вскоре прибыл сам Рыбак. К удивлению Николая Андреевича, тот явился пешком и без телохранителей. Это могло говорить как о доверии Корню, так и о том, что наркобарону нечего бояться в этом городе.

Выпив по бокалу чешского пива, главари приступили к «теркам».

– И что мы будем делать с этой Космэтикой? – Репнев первым задал вопрос, надеясь, что Зарайский первым прираскроет карты и тогда Корню будет легче сориентироваться в ситуации.

– Насколько мои специалисты изучили методы твоей работы, – Владимир Иванович усмехнулся, – ты захочешь просто уничтожить всех сектантов. Могу тебя предостеречь: их уже не один десяток тысяч только по Москве.

Николай Андреевич отщипывал от рыбы и молчал.

– Каждый из них раз-другой в неделю бывает задействован. Некоторые даже чаще. Каждое такое «задействование» приводит к череде неких событий, которые стороннему взгляду могут показаться случайными. Но на самом деле все эти случайности тщательно просчитаны. Представляешь, какие у них вычислительные мощности?

Репнев кивнул, стараясь не выдать своего замешательства. По расчетам Драйвера количество сектантов оказывалось меньше на порядок. Но, вполне могло быть, что Рыбак просто пускает пыль в глаза и оперирует цифрами, взятыми с потолка.

– Смею заверить, мои люди заметили эту секту больше месяца назад, и им удалось собрать кое-какую информацию... – Теперь замолчал уже сам Зарайский. Он пил пиво и ждал очередного вопроса. И тот не замедлил последовать.

– Значит, ты меняешь информацию на людей?

– Ну, зачем так прямолинейно? – Удивился Владимир Иванович. – Часть этих сведений я могу дать тебе совершенно безвозмездно, даже если мы сейчас ни о чем не договоримся. Но в тех, что останутся у меня, говорю честно, интересного будет гораздо больше. Например, кто из твоих людей уже вступил в Космэтику...

– Торгаш!

– Дипломат! – Возразил Рыбак. – Я экономлю твое время. И надеюсь, что ты это оценишь по достоинству.

– Я ценю. – Склонил голову Корень. – Ну, если уж ты так много знаешь, тогда скажи, какой твой план действий?

– Кота в мешке тебе никто не предлагает. Даже если я выложу сейчас все свои наработки, то воспользоваться ими ты все равно не сможешь. Нет конкретики.

– Да, не томи...

– Пожалуйста! Уничтожать надо верхушку Космэтики.

– Удивил! – Фыркнул Николай Андреевич.

– А сейчас удивлю сильнее. – Пообещал Зарайский. – Все они достаточно сильные экстрасенсы.

– Развелось-то... – Пробурчал Репнев.

– И справиться с ними без экстрасенсорной поддержки практически невозможно.

– Ну вот, – обрадовано проговорил Корень, – теперь весы сравнялись.

– Итак, подбьем бабки. – Рыбак отпил еще несколько глотков. – Мы выделяем, ну, скажем, каждый по сотне быков. Они пойдут, в крайнем случае, на мясо. По паре десятков топтунов. Еще потребуется бригады слухачей, пиротехников и аналитиков. Их можно взять от каждого и слить...

– Вот тут извини, не пойдет! – Покачал пальцем Репнев. – Твои все торчат. Помнишь, при старом Рыбаке, он спортивный комплекс мне подарил? Так из-за него я потом полгода наркоманов шугал.

– Хорошо. – С готовностью согласился Зарайский. – Наши люди не пересекаются до операции, действуют совместно и сразу разбегаются.

– Годится.

– Теперь о прогнозировании. Я помню, как твои люди запустили ко мне в сеть вирусов, лишь потому, что мы немножко пользовались твоей информацией... Сейчас, для твоего спокойствия, я предлагаю наладить пакетный обмен через открытую сеть.

– Стодавдцативосьмибитный ключ?

– Двухсот пятидесяти шести...

- Подойдет. – Согласился Николай Андреевич.
- Ну что, даем команды и отмечаем новый виток сотрудничества?

И, хотя у Корня были опасения, что не все так замечательно, как расписывает ему Рыбак, он все же набрал номер Драйвера и приказал выйти на контакт с компьютерщиками наркомафии, получить информацию и обменяться кодами для шифровки посланий.

Уже потом, после парилки, бассейна и снова пива, Репнев поинтересовался:

- Слушай, а почему ты так уверен, что Пономарь будет с тобой работать?
- У него нет другого выхода. – Ничего не объясняя ответил Кикоз.
- Откуда выхода?

– Космэтика его уже обложила. У него альтернатива, или сдаться, или раскурочить у них все. А мы-то с тобой знаем, что Пономари не сдаются!

3.

Около десяти часов вечера того же дня на улице Чехова возле дома 16, прохожие могли наблюдать ставшую уже привычной по телевизионным репортажам картину. Из двух автобусов высыпали вооруженные люди в камуфляжной форме и в масках, закрывающих всю голову. Они моментально окружили здание, часть их ворвалась внутрь и буквально через минуту из парадного потянулась цепочка недоумевающих людей, которых распахали по тем же автобусам. Автоматчики погрузились следом и машины исчезли в неизвестном направлении.

Ни одна из властных структур не была причастна к этому массовому похищению. Здесь поработали люди наркомафии, целью которых было захватить всех, явившихся на очередное занятие Общества Космической Этики. Вместе с обычными сектантами был взят и руководитель этой группы.

Людей вывезли за город и подвергли специальной обработке. Всем им был введен наркотик, заставляющий забыть то, что происходило в последние несколько часов. А после этого каждый получил по дозе «генерала».

Захваченных разнесли по разным комнатам, снабженным миниатюрными видеокameraми. Через полчаса на базу наркобоевиков прибыл тот, кого рядовые бандиты знали под кличкой Палец. Единственное, что им было еще известно об этой личности, так это то, что он был ближайшим помощником самого Рыбака.

На самом деле Палец являлся лишь низовым координатором специальной группы, которую Зарайский создал для противостояния Космэтике. Со своим начальством он общался лишь по телефону, и если космэтисты вычислят Пальца и ликвидируют его, потеря для наркомафии будет не великой. Зато ценной информации он в любом случае может предоставить с избытком.

Вскоре захваченные начали приходить в себя. Палец представал перед их очами и космэтисты, как один, клялись в верности Пальцу.

После этого с каждым новым рабом наркотика и Рыбака состоялась обстоятельная беседа. Люди без зазрения совести выкладывали все, что им было известно про Космическую Этику, речи их записывались на видео, чтобы потом пройти анализ у психологов и аналитиков наркомафии.

Но никто из простых членов, не удостоившихся даже первого посвящения, не мог сказать ничего толкового. Единственным ценным приобретением оказался, как и предполагал Владимир Иванович, ведущий этого отделения секты. Он поименно знал нескольких посвященных сектантов, лично видел двух апостолов-основателей и мог дать их описания. Но чем конкретно те занимаются, и где расположен вычислительный центр, этот человек не знал.

Завершив индивидуальные допросы, Палец собрал всех в общем зале и выступил перед бывшими сектантами с небольшой речью. Он приказал всем вести тот же образ жизни, что и раньше, но за одним исключением, никому, никогда и ни при каких обстоятельствах не рассказывать о сегодняшнем происшествии. А, если с ними вдруг произойдет что-то странное, связанное с Космэтикой, при первой возможности звонить по телефону и надиктовывать все подробности.

Лишь ведущему было дано дополнительное задание. Ему выдали шариковую ручку с секретом. Секрет состоял в том, что ручка была заряжена единственным патроном, который содержал дозу «генерала». Применить ее следовало только к одному из апостолов, которые, как выяснил Палец, достаточно регулярно навещают первичные ячейки.

4.

Встав, как обычно, без пяти шесть, Сергей Владимирович побрился, выпил стакан воды и вышел в астральные миры. Единственной его целью была локализация Дарофеева. Выяснив, что целитель никуда не выйдет из дома до без четверти восемь, Изотов наскоро перекусил и направился к нему на квартиру.

Вчерашнее посвящение оставило в памяти Изотова сильнейший отпечаток. Он почувствовал, что наконец-то произошло что-то настоящее. Он перестал быть просто экстрасенсом, к тому же сделанным руками ГУЛа и Дарофеева, а стал членом некой общности. И это было как раз то, чего майору недоставало все то время, которое он приноравливался к своим, неожиданно появившимся способностям.

В инициацию входила не только его энергетическая обработка, но и передача тайной информации. Те самые несколько листков, прочитанные под пристальным призором апостолов, оказались едва ли не большим шоком, нежели все метафизические талмуды, которые Сергей Владимирович прочел раньше по настоянию Пономаря.

Оказалось, что несколько лет назад человек по фамилии Шаманов неожиданно для себя вступил в контакт с инопланетной сущностью. Впрочем, и до него, и после, таких контактов было пруд пруди. Все они вещали на разные лады некий бред от имени внеземных цивилизаций. Но случай Шаманова оказался уникальным.

Существо, с которым он общался, не просто давало ему опубликованное впоследствии учение Космической Этики, но и поделилось частью своей энергии, чтобы тот смог организовать последователей и привести их в светлое будущее. Запас этой внеземной энергии оказался настолько огромен, что едва не сжег самого Шаманова. Прошли месяцы, прежде чем он научился ею управлять и пользоваться. За это время он успел перенести на бумагу все те мысли, правила и методики обучения, что продиктовала ему та сущность. И лишь после того, как труд был закончен, к нему пришла способность определять тех, кто сможет принять его учение и, соответственно, достоин для жизни в будущем, и тех, кто останется в туманном прошлом.

Тогда-то он и нашел двенадцать самых первых учеников и передал им часть своего контроля над внеземной силой.

Удивительно, но Изотов, раньше всегда относившийся критически, если не скептически, к любой информации такого рода, на сей раз просто принял ее, и безоговорочно поверил всему, что было написано на этих листках. Была ли тому причиной переполнявшая его энергия, или напиток, принятый перед посвящением снизил уровень критичности, но у Сергея Владимировича не возникло даже мысли проверить, так ли все было на самом деле, как это описывает господин Основатель.

А после обряда майору дали первое осмысленное задание: выяснить, какое у Дарофеева отношение к Космэтике и планирует ли тот делать какие-нибудь шаги которые могут

помешать продвижению этого прогрессивного учения. Для этого-то и ехал сейчас Изотов к Игорю Сергеевичу, чтобы из первых рук узнать ответы на интересующие вопросы.

Дверь фээсбэшнику открыл Витя и сразу предупредил, что Дарофеев сейчас медитирует и освободится через четыре-пять минут. Впрочем, Изотов и сам это распознал по энергетическому фону, исходившему от находившегося где-то в квартире целителя. Причем Сергей Владимирович понял еще и то, что его друг не ушел в какое-то астральное путешествие, а просто занимается собой, прокачивая меридианы и активизируя работу обеих полушарий головного мозга.

Паренек проводил майора на кухню, где налил ему чаю.

Воспринимая все исключительно на уровне энергетических взаимодействий, юный Матюшин тут же обратил внимание на то, что Изотов буквально за сутки очень сильно изменился. Мало того, что фээсбэшник был сильно возбужден, так у него появился еще один энергетический канал, не столько дающий ему подпитку, сколько снимающий с Сергея Владимировича энергетические выбросы, наделяя взамен чувством перманентной эйфории.

– Что нового? – Спросил майор.

Витя прислушался к мыслям Изотова, но на поверхности не было ничего важного, кроме очередного шлягера певички-однодневки: «Я задыхаюсь от нежности, – крутилось в голове Сергея Владимировича, – твоей мохнатой промежности. Я помню все ее трещинки, когда пихались на лесенке. А-а, а-а!» Именно таким способом, напевать про себя всякую попсу, слегка переделывая, чтобы запоминалось лучше и давало положительный эмоциональный фон, Матюшин советовал фээсбэшнику блокировать свои истинные мысли. Но все равно, кое-что из того, что майор хотел скрыть, просачивалось. Паренек улавливал обрывки фраз внутреннего монолога, в которых упоминались апостолы, Космэтика и внеземная энергия. Мелькали образы, лица.

– Вот, Константина вчера спасли.

Задержка между вопросом и ответом была настолько мала, что Сергей Владимирович даже не понял, что все это ничтожное, по его субъективным меркам время Витя его тщательно изучал.

– А что случилось?

Юный Матюшин гордо пересказал, как он с Пономарем расстроили планы космэтологов, позволив спецназу взять бандитов живыми. Что Дарофеев сегодня проснулся перед операцией, в которой должен был участвовать его брат и проследил за тем, чтобы все было в порядке.

Реакцией Изотова на это сообщение была плохо прикрытая злость. Витя даже содрогнулся от того колодца кипящей ненависти, который на долю мгновения открылся его восприятию.

Беседа тут же прервалась. Паренек уже не скрывал своего удивления метаморфозой Сергея Владимировича, но тот крутил в голове «я задыхаюсь...» и больше не допускал никаких посторонних мыслей. Вскоре появился Дарофеев, бодрый и сияющий. Он пожал майору руку и тот, без долгих предисловий, прямо в лоб спросил:

– Ты будешь заниматься Космэтикой?

– Да, конечно. – Недоуменно проговорил Пономарь. Витя тут же вышел с ним на телепатический контакт и передал все, что удалось узнать за несколько минут общения с Изотовым.

– Наверное, не стоит тебе этого делать... – Майор посмотрел прямо в глаза целителю.

– От чего же?

– Видишь ли... У них очень благородные цели...

– И это ты узнал на своем посвящении? А ты помнишь, сколько преступлений оправдывалось благими намерениями? – Дарофеев уже сообразил, что Сергей Владимирович, добро-

вольно отправившись в лапы секты, уже подвергся там промыванию мозгов и теперь, мягко говоря, неадекватен.

– Но у них действительно есть связь с космическим разумом!

– Как и у любого из живущих. – Возразил Пономарь. – Знаешь что, вспомни, ради чего ты к ним пошел, а потом уже агитируй меня за то, какие они ангелочки.

– Нет, Игорь, ты даже не хочешь понять...

– В том-то и дело, что я все понимаю. А ты сам попался в ловушку...

– Никаких ловушек...

– И если ты пришел ко мне за помощью – я тебе помогу развеять те иллюзии, которыми тебя напичкали. А если нет – сам проверь все, что тебе наболтали. А уж после этого агитируй, если совесть позволит!

Не ответив, Сергей Владимирович выскочил из кухни. Через минуту хлопнула входная дверь и все стихло.

– Крепко ему мозги загадили. – Покачал головой целитель.

– Дядя Игорь, ты ему поможешь?

– Мы ему поможем, – Поправил Пономарь Витю. – Знать бы только как...

Глава 8

1.

До выхода на работу оставалось около получаса, но Игорь Сергеевич, решив, что пациенты от него никуда не денутся, подождут, в крайнем случае, несколько минут, а Изотов сейчас важнее всего, начал вместе с юным Матюшиным медитацию.

Витя тоже понимал, что заполучив экстрасенса уровня и возможностей Сергея Владимировича, Космэтика приобретает настоящего козырного короля. И не допустить использования Изотова космэтистами становится не просто делом спасения друга, делом чести, но, возможно, предотвращением десятков или сотен смертей.

Дарофеев сразу же настроился на Изотова и проследил все его перемещения за прошедшие сутки. Обнаружив, что майор очередной раз прошел посвящение, Пономарь не удивился и тщательно просмотрел все события на физическом и тонком планах, творившиеся на той квартире.

Результат наблюдений обескуражил и Витю и Игоря Сергеевича. Посвященные всего-навсего настроили тонкие тела майора так, что он стал воспринимать собственную энергию, как дарованную ему свыше. Функционирование тонких тел осталось прежним, но на выходах энергетических каналов появились своеобразные фильтры, искажавшие и поступающую, и исходящую от Изотова информацию. Грубо говоря, Сергей Владимирович стал «держателем неба»⁸.

Вместе с майором целитель и юный Матюшин прочли дневник основателя Космэтики. И, как и Сергей Владимирович, достигли после прочтения некоего катарсиса.

– Это же полнейший бред! – Витя не сдержался и продемонстрировал плевков.

– Не скажи. – Усмехнулся Пономарь. – Это не бред – это миф.

– Бредовый миф. – Не унимался Матюшин.

– А мифу и не требуется логики. Он вне нее и сам по себе. Отдельная такая категория.

– Да не могут инопланетные сущности так грубо вмешиваться в человеческие дела! – Паренек негодовал. – Приходили ко мне такие. Говорили, вот, мы с планеты Трон! Мы крутые, такие и сякие. А что оказалось? Обычные духи авантюристов, зараженные сверхценными идеями.

⁸ Держатели неба. – См. «Убийца для Пономаря».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.